

1

Отец Николай запирал церковь, когда услышал шаги за спиной. Оглядываться не стал — незачем, звука шагов по гравийной дорожке было вполне достаточно. 60-65 килограмм, туфли на жёсткой подошве. Узкая юбка ниже колен, судя по семенящей походке. Тоня, конечно, кто же ещё. Она каждый раз подходила к нему после службы, так что можно было обойтись и без этого анализа. Просто сработала привычка из прошлой жизни.

Николай опустил ключ в карман подрясника и обернулся. Тоня покинула группу прихожанок, стоящих в стороне, и подходила к нему слегка вихляющей походкой. Девка была в самом соку, кровь с молоком; её груди и ягодицы казались упругими, как мячики. Юбка и блузка были ей маловаты; мячики рвались наружу, как бы призываю парней проверить их упругость.

Ишь как идёт! — подумал Николай. — А ведь лет через десять расползётся, как квашня. Для городской это стало бы трагедией, а она и внимания не обратит, как будто так и надо. У неё другое на уме — мечтает стать попадьёй, родить пять-шесть огольцов и пить по вечерам чай с малиновым вареньем. Простое женское счастье, имеет право. Но ему-то это за что? Вот, уже подходит, сейчас опять начнёт.

Николай не ошибся, он услышал то же, что и всегда.

— Батюшка, я согрешила!

— Что, опять сон?

— Опять, опять! Он, проклятущий!

— Тот же самый?

— Нет, новый! Про колокольцы. Снилось мне, что сижу я в избе, и вдруг на улице зазвенели колокольцы. Я окно распахнула, высунулась, чтобы посмотреть, а тут вы сзади подошли, юбку мне задрали...

— Хватит! — прервал её Николай. — Мне уже всё понятно. Сон грешный, но твоей вины тут нет. Прочтёшь перед сном «Отче наш» десять раз, и будет с тебя. Всё, дочь моя, иди и не греши.

Он обошёл Тоню и быстрым шагом направился к своей избе. На него слова «дочь моя» действовали как холодный душ — ещё бы, это же прямая отсылка к табу на инцест. А Тоньке хоть бы что; она называла его батюшкой и тут же норовила рассказать очередной выдуманный сон, где он был в роли героя-любовника. Наивная девка надеялась, что такой незатейливый способ соблазнения в конце концов подействует. Но надеялась она напрасно, батюшку её эротические фантазии ничуть не возбуждали. Мыслями он был уже далеко — дома Николая ждала его чертовка.

2

Черти любят являться людям с бодуна, и чертовка не стала исключением. В тот вечер Николай напился вусмерть; да и как было не напиться. Позвонил бывший ротный, сказал, что Дёмин повесился. Димка Дёмин, старый друг, боевой офицер. Он остался без ног, подорвавшись на мине в Змеином ущелье. Когда в госпитале ему принесли орден, сказал, что на хрен ему эта железка, лучше бы наградили именным оружием. Николай тогда подумал, что это было бы совсем не лучше, это был бы такой соблазн... А оно вот как в итоге обернулось...

Весь вечер Николай пил в одиночку, пил и плакал. Пил, пока не упал со стула и не потерял себя. А наутро, приоткрыв глаза, увидел перед собой беса.

— Изыди! — Николай с трудом разлепил непослушные губы. — Изыди, бес!

И закрыл глаза, не в силах больше удерживать тяжёлые веки. Вновь чёрной волной накатило вчерашнее. Димка, бедный Димка! Как же так?! Больше не увидеть его улыбки, не поговорить с ним, не выпить за ушедших друзей. Даже не отпеть и не похоронить по-человечески. Самоубивец, сиречь грешник перед Богом. Почти любой грех обратим, по крайней мере, такая возможность всегда остаётся. Грешник может попытаться искупить

вину, покаяться, молить о милости. Но суицид — последнее деяние, после которого времени не остаётся даже на раскаяние. А нет раскаяния — нет и прощения.

И всё же как это несправедливо! Неужели один неверный шаг, совершенный в порыве отчаяния, способен перечеркнуть всю предыдущую жизнь? И то, что Димка сражался за Родину, терпел лишения, бесстрашно лез в самое пекло; и то, что он оставил свои ноги в Змеином ущелье. Рассказать бы всё это митрополиту, испросить благословения на достойные похороны. Неужели Димка не заслужил даже этого?

Но нет, бесполезно, Владыка даже слушать не будет. Правила есть правила, исключений не бывает. А если и бывают — то не для таких, как Димка. Как же горько-то, Господи! Как же тяжко! За что нам эти испытания?

Уйти бы в запой, забыть обо всём хотя бы на время. Но нельзя; надо стиснуть зубы и жить дальше. Для начала вспомнить, не совершил ли вчера чего-то непотребного, не поддался ли на уговоры лукавого. Не набил ли, например, морду счетоводу Михалычу, он давно на это нарывался. Вроде не должен был; специально же запер дверь изнутри — от соблазна. А ключ... Куда же засунул ключ?

Николай заставил себя подняться, сесть на стул и сфокусировать взгляд. Посмотрел на стол. Тарелка, раскрытый складной нож, пустой стакан. Дальше открытая трёхлитровая банка с солёными огурцами. И бутылка водки 0.75, в которой ещё оставалось около ста грамм. А на дне — ключ; значит, никуда не выходил. Ну хоть в этом повезло.

Николай плеснул в стакан пятьдесят грамм и залпом выпил. Запил рассолом прямо из банки. Затем вылил в стакан остатки водки, повторил и снова припал к банке с рассолом. В голове стало проясняться. Николай попытался вспомнить вчерашний день.

С утра, как обычно, литургия. Затем зарядка, силовые упражнения. Огород, это всегда надолго. Потом вечерняя служба, тоже ничего необычного. После вечерней, как всегда, подошла крутобёдрая Тоня. Слово-то какое — крутобёдрая! И откуда оно только выскоцило? Крутобёдрая, лилейнораменная и пурпурноланитная. А всё равно не возбуждает.

Потом вернулся домой, сварил картошку, открыл банку тушёнки, отбедал. Раскрыл ноутбук посмотреть новости, а там — письмо от ротного. И время остановилось, дальше только туман. Запер дверь, раскрыл папку с фотографиями — с той войны. Сидел, пил, листал фотографий, вспоминал те дни и снова пил. Пока не потерял себя.

Николай попытался достать ключ из бутылки, но у него ничего не получилось. Засунуть ключ было легко, вошёл как по маслу. А вот вытащить никак не удавалось. Николай разбил бутылку над мусорным ведром, полез за ключом и порезал руку об острый осколок. Машинально слизнул выступившую кровь. За спиной послышался шорох и чей-то голос спросил:

— Решил подписать договор?

3

Николай резко обернулся. Бес никуда не пропадал; он сидел на столе, свесив тонкие ножки с блестящими копытцами. Совсем не страшный, чем-то даже симпатичный. Ростом сантиметров под семьдесят (не удивлюсь, если 66.6, подумал Николай), покрытый короткой чёрной шёрсткой. На голове шёрстка была длиннее и перемежалась жёлтыми прядками. Эти прядки почему-то поразили Николая больше всего, и вместо положенного «Сгинь!» он спросил:

— Это у тебя мелирование, что ли?

— Имею право! — ответил бесёнок.

Николай опомнился и затянул:

— Сгинь, древний враг...

— Какой я тебе древний! — обиделся бесёнок. — Сам ты старый пень!

— А сколько же тебе лет? — спросил Николай, окончательно сбитый с толку.

— Барышням таких вопросов не задают!

— Так ты что... женщина?

— Я девочка! — гордо ответил бесёнок.

Николай протёр глаза. Ничего не изменилось, бесёнок всё так же сидел на столе. Только шёрстка на его голове сплелась в две тугие косички, торчавшие в разные стороны.

— И чего же ты хочешь, чертовка? — спросил Николай. — Чем ты можешь меня соблазнить? Мне ничего не надо, а мёртвых у вас воскрешать не умеют.

— У нас как раз умеют, — возразила чертовка, — только результат тебе не понравится. Так что не советую, чисто по-дружески.

— Какие мы друзья! — возмутился Николай. — Ты вражина, пришедшая меня искушать.

— Фу, какой ты меркантильный кю! Почему если бес, то сразу искушать, торговаться? Вы, люди, стали расой торгашей, и эти свои рыночные заморочки на нас проецируете. А просто поговорить — слабо?

Смысл слов до Николая не дошёл, так его поразило это «кю».

— Так вы там и фильмы наши смотрите? — спросил он.

— Все подряд, — кивнула чертовка, — скучно у нас, совсем нечем заняться. Ваш поэт как-то написал: «Скучно, бес». А наш мог бы написать: «Скучно, чел»; вот только поэтов у нас нет.

Николай потянулся к банке и глотнул ещё рассола.

— Так и говорила бы со своими, чего ко мне-то полезла?

Чертовка горестно вздохнула.

— Со своими не получится, у нас там все шорохи прослушиваются. Чуть что сболтнёшь поперёк — и сразу в карцер, на холодок. Ненавижу холод!

Чертовку аж передернуло, видимо, от незабываемых воспоминаний.

— А говорить то, что можно — какой смысл? Что можно все и так знают, эта музыка уже в зубах застrevает. То ли дело у вас — мели Емеля, твоя неделя! Лепота!

— У нас тоже не забалуешь, — возразил Николай, — есть же пакет Яровой и СОРМы всякие.

Чертовка презрительно хмыкнула.

— Да наблюй ты в этот пакет! В ваших ебенях электричество каждую неделю пропадает, а ты мне про высокие технологии будешь рассказывать. Неравномерное развитие, ядрён-батон! Везёт вам, а вы, дураки, своего счастья не понимаете!

— А у вас разве не так? — спросил Николай.

— Не так, — помрачнела чертовка. — У нас все регионы давно объединили в один инфернальный союз. Общие стандарты, единый уровень. Спрятаться негде, разве что к вам заглянуть — на огонёк. Кстати, «на огонёк» — наше выражение, вы его у нас позаимствовали.

— Хватит ныть! — оборвал её Николай. — Никто и не думал, что у вас там курорт. Но всё же — почему ко мне? Грешников, что ли, мало? Или грешниц, они любят языки почесать.

— Это ты про свою Тоньку? — хихикнула чертовка. — Хочешь мне этот багаж спихнуть? И не надейся — если тебе с ней скучно, то мне тем паче. Вот ты — другое дело; ты вчера так митрополита костерил семиэтажным, я аж заслушалась.

Николай похолодел. Он не только не помнил, как поносил Владыку, но даже не представлял, что значит костерить семиэтажным.

— Да не ссы ты, — успокоила его чертовка, — никто кроме меня твоих воплей не слышал. Я же говорю — неравномерное развитие, отсталый район. Большой Брат до ваших ебеней ещё нескоро дотянется.

Николай снова жадно приложился к банке. Почувствовав, что мочевой пузырь готов лопнуть, он встал из-за стола. В дверях обернулся.

— Как звать-то тебя, чертовка?

— Нам запрещено называть свои имена. Да ты его всё равно не выговоришь, даже по трезвянке. Называй меня Бестией.

Вернувшись, Николай застал Бестию за странным занятием — чертовка старательно покрывала копытца алым лаком. Хотя нет, не лаком; Николай узнал начатую банку краски, оставленную им в сарае. Вместо кисточки Бестия использовала кончик собственного хвоста и, надо признать, с хвостом она управлялась довольно ловко. Жаль только, аккуратностью чертовка не отличалась — пол вокруг копыт был забрызган краской.

— Что тытворишь?! — возмутился Николай.

— Красота требует жертв! — гордо ответила Бестия.

Николай хотел объяснить чертовке, кто сейчас падёт жертвой этой красоты, но голову вновь сдавило нестерпимой болью. Он рухнул на кровать, прижимая ладони к вискам. Водки в доме не осталось, а идти за ней в сельмаг — разговоров не оберёшься. За водкой надо ехать в райцентр; но не в таком же состоянии. Хорошо бы сейчас в баньку, но свою ещё надо протопить, а в сельскую Николай не ходил. Когда он учился в академии, какой-то лысый очкарик успел прочитать студентам несколько лекций по психоанализу. Потом, конечно, декан его выгнал, объявив, что сей грешник всё к херам сводит. Но кое-что Николаю запало в память, особенно заморочки по поводу телесности. Например, если клиент увидит аналитика выходящим из туалета, то даже такую мелочь необходимо будет обговорить на следующем сеансе. А священник — тот же духовный пастырь; негоже прихожанам видеть его голым.

Да и зрелище это не самое эстетичное. Уродливый шрам на груди от прошедшего вскользь осколка, пятна сигаретных ожогов, а главное — погон на плече. Страшный след войны. В горах их разведгруппа попала в засаду, и душманы вдоволь покуражились над пленными. Николаю выбили передние зубы, сломали несколько рёбер и вырезали на правом плече три звезды — старлеевский погон. На левом не успели, подошедшая рота отбила пленных. К несчастью, помочь опоздала — в живых остался один Николай.

Его перевезли в Москву, где он три месяца пролежал в одном из лучших госпиталей столицы. С первого дня и врачи, и больные стали называть его Полковником; действительно, расплывшиеся звёзды на плече совсем не походили на старлеевские. Но это была армия, здесь с уважением относились к боевым шрамам. А на гражданке такие звёзды, скорее всего, навели бы на мысль об уголовнике, попытавшемся избавиться от компрометирующих наколок.

Из госпиталя Николай вышел со стальными зубами и твёрдым намерением посвятить жизнь христианскому служению. Поступил в духовную академию, с трудом окончил её, получил приход. В захолустье, конечно — ибо был холост, а это не поощрялось. Но на большее он и не рассчитывал.

Николай считал себя счастливым человеком — он прошёл сквозь ад, заслужил покой и получил свой покой. Но смерть Дёмина вновь всколыхнула всё пережитое. И вот он лежит на кровати, сжав руками виски, и от боли не может удержать ни одной мысли.

— Бестия, — позвал Николай, — ты же спец по огню?

— А то! — гордо ответила чертовка.

— Можешь мне баньку по-быстрому раскочегарить?

— По дружбе?

— По дружбе, — согласился Николай.

— В шесть секунд! — отозвалась чертовка. — Для друга огня не жалко — ни здесь, ни там.

Так с тех пор и повелось — Бестия навещала Николая после вечерней службы, и они часами вели неспешные беседы. Лучший способ скоротать долгие зимние вечера, когда обрыв на линии и вся деревня сидит без электричества. Да и чертовка наверняка сбегала к нему не от хорошей жизни; и нечисти порой хочется отдохнуть душой. Если, конечно, у неё есть хоть какая-то душа.

Да, они враги — и что? Кому мешает их общение? Кому было бы лучше, если бы, встретив бесовку, Николай сходу перекрестил её или окропил святой водой? Столкнул бы чёртову девочку обратно в инферно — и сидел бы потом один, пялился в потухший экран да предавался грешным мыслям. А так — всё ж какой-никакой душевный собеседник. И душевный собутыльник, если тоска накатит. Правда, такое случалось не часто; чертовка пила лишь то, что горит, а спирт Николаю удавалось достать не всегда.

Но главным, конечно, были разговоры. Здесь Тонька проигрывала чертовке вчистую, нечего было и сравнивать. Николай заслушивался рассказами Бестии, хотя никакими ужасами там и не пахло. Лишь скучная обыденность инфернального обывателя. Чертовка питалась пыльцой мерзости с мелких людских грешков и вполне довольствовалась таким положением. Типичное дитя долгого мира, она привыкла к спокойной жизни. И таких, как она, в инфернальном союзе было большинство.

Последнюю войну там вспоминали с ужасом и повторения никто не желал. Этот ужас сдерживал тёмные силы надёжней любых договоров. Хотя договор, конечно, тоже был заключён — высокие и низкие стороны обязались не влиять на сложившееся распределение праведников и грешников. Разумеется, это было Гауссовское распределение, иного и быть не могло. Белого Князя интересовали праведники, Чёрного — грешники; чертовка, как и большинство мелких бесов, столовалась на пике гауссианы.

Больше всего эти обыватели боялись, что в один ужасный день Чёрный Князь похерит навязанные ему соглашения и начнёт активно культивировать пороки, увеличивая процент грешников в проблемных районах. И тогда хтонь из инферно может прорваться на поверхность, переклинивая мозги миллионам. Если такое случится, войны уже не избежать. А это не только беспощадная жатва на полях сражений, но и последующее процентное перераспределение грешности и праведности — естественно, не в пользу проигравшего. Простым бесам война ни к чему, у них и так есть всё, что нужно — мелкие грешки простых людей, причём, в неограниченном количестве. Их общее убеждение — хорошо ведь живём, спокойно, сътно; так зачем опять начинать.

Другое дело — Князь, двор, армия. Им всегда всего мало. Бесовские фермеры, собирающие пыльцу мерзости с мелких людских грешков, вносят в казну законную десятину. Бесовские пролетарии на адских фабриках перерабатывают её в чистую хтонь, которая затем поступает на военные склады. Она постоянно расходуется в локальных конфликтах, так всегда было и так всегда будет. Но даже в едином плановом хозяйстве порой случается перепроизводство и затаривание, когда склады ломятся от хтони. Тогда у тёмной знати начинают чесаться лапы, начинаются разговоры о реванше и чёрном переделе.

Николая, естественно, живо интересовало, что сейчас творится на адских складах, каков прогноз на ближайшие годы. Но Бестия, похоже, и сама толком ничего не знала.

— Не суетись раньше времени, — посоветовала она, — если случится прорыв, ты это почувствуешь. Все это почувствуют.

6

Николай почувствовал это уже через несколько дней. Вечером он, как обычно, решил побежаться по соцсетям, посмотреть новости. Но дальше фейсбука пройти не смог, жести хватило с лихвой. Он жестом подозвал к себе чертовку.

— Беська, это уже оно?

— Где?

— Вот, подпись под фотографией: «Оторвало лапки личинке колорада». Я понимаю, это большой человек написал, на всю голову убитый. Но ведь эту жуть копипастят тысячи, а лайкают десятки тысяч! Что случилось с людьми?

Бестия забралась на подлокотник кресла и всмотрелась в экран.

— Да, ты прав. Это прорыв хтони, и довольно мощный. А хуже всего, что этим дело не ограничится. Скоро весь мир начнёт лихорадить.

— А ты можешь сказать, где будет следующий выброс? — спросил Николай.

— Догадайся с трёх раз, — ответила чертовка, — где тоньше всего, там и будет рваться. Так всегда бывает.

Она потянулась к клавиатуре и закрыла окно с фотографией.

— Кстати, а почему ты назвал эту копипасту жутью? Всё ведь давно к этому шло, столько звоночков было — только слепой бы не заметил.

— От этого она не перестаёт быть жутью, — ответил Николай.

— Вот сразу видно, что ты не философ, — вздохнула Бестия. — А когда я заходила на огонёк к геру Хайдеггеру, мы с ним все эти феномены по полочкам разложили. Страх — то, что чувствуют перед уже известным, жуть — перед неизвестным, ужас — перед внезапным неизвестным.

— Постой, постой! — перебил её Николай. — Какой, на хер, гер? Ты же говорила, что ещё девочка. Или это в другом смысле?

— Фу! — сморщилась чертовка. — У вас, людей, только одно на уме! Даже ваше высокое искусство — всего лишь сакрализации места, «где исход находит метаболический процесс». А у нас внизу отношения чистые и высокие, никакой метаболической грязи. Не веришь? Могу между ножки показать.

Николай в испуге замахал руками.

— Нет, что ты, не надо!!!

— Зассал, — удовлетворённо заметила Бестия, — а напрасно. Нечего было бояться, ничего бы ты там не увидел. Нет у нас первичных половых, а вторичных — там паче.

— Я не это имел в виду, — смущаясь Николай.

— А что же?

— Ну, не знаю. Какую-то женскую инициацию, когда девочка-бесёнок кончается и начинается женщина-бесовка. У вас же есть что-то подобное?

Бестия презрительно дёрнула плечом.

— Зачем? Это людям надо, чтобы кто-то взрослый тряхнул за шиворот и сказал: «Всё, детство закончилось, ты уже не мальчик, ты мужчина; иди работать или воевать». А нам это не нужно, мы сами всё про себя знаем.

— И что ты про себя знаешь? — спросил Николай.

— Что я ещё подросток. По нашим меркам, конечно.

Николай задумчиво почесал бороду.

— А скажи, подросток, после твоего бывшего...

— Мартина?

— Да, его самого. После него у тебя кто-нибудь был?

— Барышням таких вопросов не задают!

— А серьёзно?

Чертовка нахмурилась.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— А сама не догадываешься? Сложи два и два, построй логическую цепочку.

Тридцатые годы — Хайдеггер — ты — прорыв хтони. А теперь: наше время — я — ты — прорыв хтони. Похоже?

Чертовка соскочила с подлокотника и возмущенно уставилась на Николая.

— Ты на что намекаешь, патлатый?! Хочешь сказать, что я тут как-то замешана? Да я по жизни пацифистка, мне война как крест в горле! Это ты — солдат Светлого воинства, а я — мирный обыватель, мирняк, как у вас говорят. Мне разборки Князей глубоко фиолетовы, я могла бы и дальше с тобой дружить, если бы ты был, как я, граждансским. Но ты же солдафон, ты сам всё порушишь, сам со мной порвёшь. И ты же меня ещё в чём-то обвиняешь!

— Почему это я сам всё порушу? — спросил Николай, ошарашенный столь мощным отпором.

Чертовка пожала плечами.

— Ты же бывший офицер, должен знать, как работает военная пропаганда. Тебе промоют мозг, убедят, что хороших чертей не бывает, что все черти — враги, подлежащие немедленному уничтожению. А во время войны любой контакт с врагом — предательство, причём, даже не Родины, но всего человечества. Ты готов к тому, что тебя объявит предателем?

— Но нет же ещё никакой войны, — возразил Николай.

Бестия посмотрела на него с нескрываемым сожалением.

— Поп, ты же не совсем тупой. Ты же видел — хтонь прорвалась. Значит, война неизбежна.

— Потому что пропаганда уже опустилась до людоедства? — спросил Николай, вспомнив подпись под фотографией.

— Если бы. Воевать будут, потому что Чёрный Князь искусственно изменил процентное распределение греховности. Экономические интересы, ничего личного. Хотя обе стороны, конечно, обставят это как войну за свои идеалы.

— А как же иначе? — удивился Николай. — Война с адом — святое дело! За веру, за принципы. Зло должно быть повержено. А инферно — зло.

— Ну да, конечно, — кивнула Бестия, — если речь о людях, то коллективная ответственность — это нацизм и мракобесие. А если о чертях — то пожалуйста, чеши всех под одну гребёнку! А мы, между прочим, все разные, как и люди. Это тебе в голову не приходило? Я что, по-твоему — великое зло? Так давай, замочи меня! Где твоя святая вода?

— Ты нет, — смутился Николай, — наверное, нет.

Чертовка презрительно скривила мордочку.

— Знаешь, на кого ты сейчас похож? На черносотенца, заявляющего: «Я не антисемит, у меня даже есть друзья-евреи».

— Ну извини, — сказал Николай. — Мне нужно время, чтобы во всём разобраться. Всё слишком сложно.

— А никто и не обещал, что будет просто, — фыркнула Бестия.

Николай надолго задумался. Потом сказал:

— И всё-таки, по поводу Хайдеггера — объясни как-нибудь эти аналогии.

Согласись, на случайное совпадение это не очень похоже.

Чертовка взмахнула лапками.

— Да не знаю я! Это как-то само выходит, тянет меня к людям. Возможно, неосознанно хочу что-то изменить. Вот только в мужчинах я так и не научилась разбираться. С Мартином ничего не получилось, уж на что умный был мужик. Да и с тобой вряд ли что-то выйдет. Ты ведь даже на миг не допустил мысли, что можешь остаться гражданским — то есть, что мы можем остаться друзьями. Ты воин; знаешь, что тебя призовут, промоют мозг военной пропагандой и кинут в самое пекло. А я буду сидеть на жопе ровно и вспоминать наши разговоры. Тоска...

— А не боишься, что и тебя тоже — того? — Николай провёл ладонью по горлу. — Что ад падёт, и всех чертей — по законам военного времени?

— И не мечтай! — ответила Бестия. — Я не одну войну пережила, видела, как это бывает. Инферно нельзя сокрушить, прими это, как физический закон. И Чёрный князь никогда не сможет победить окончательно — по той же самой причине. Победа одной из сторон будет означать лишь сдвиг экстремума гауссианы в распределении греховности. Причём, чем сильнее будет сдвиг, тем больше напряженности останется после победы. А самое дебильное здесь в том, что через некоторое время привычное распределение всё равно восстановится, как будто никто и не воевал. Все трофеи временны и, честное слово, не стоят затраченных жертв. Но сейчас, как и всегда, вам будут втирать про Судный день. «Это есть наш последний и решительный бой», «До основанья, а затем» и прочую лабуду. И вы, конечно, поверите — ибо жизнь у людей слишком короткая, а память ещё короче.

Чертовка оказалась права — через два месяца Николая призвали. Курьер доставил пакет из патриархии с предписанием срочно прибыть в Москву и авиабилетом от ближайшего города. Вылетать надо было уже на следующий день, так что сдавать дела было некому — преемника на его место найдут не скоро. Николай невольно вспомнил, как сам принимал этот приход. Старенький поп трясясь, суетился, покрывался пятнами. Волновался, бедняга, боялся, что его последний день в родной церкви может омрачиться какой-то нелепой недосдачей. Заставил сверять всё, вплоть до мелочей; ещё чуть-чуть и свечки стали бы пересчитывать. Кассу перепроверили дважды.

О церковных иконах в тот день Николай целую лекцию выслушал. И даже (с разрешения батюшки) записал её на телефон — дабы, если придётся, передать преемнику. Но не пришлось, судьба распорядилась иначе. Внезапный отъезд без передачи полномочий. Приказ был предельно лаконичен — взять командировочные из церковной кассы, запереть церковь, отдать ключ старосте. И вперёд, на новое место службы. А если успел обрасти имуществом — плюнь и забудь, не для того тебя на служение ставили.

Имуществом Николай не оброс, все его вещи могли уместиться в старом армейском рюкзаке. Документы, ноут, нехитрая одежда, нож, фонарик, зубная щетка. И походная Библия, разумеется. Много ли бойцу надо. Николай аккуратно укладывал вещи в рюкзак; чертовка сидела рядом, обиженно хлюпая носом.

— Да что ты, в самом деле, — Николай протянул руку и потрепал Бестию по мохнатому плечу, — ты же знала, что так будет. Сама ведь это предсказала.

— Я просто факты сопоставила, — всхлипнула чертовка, — там же всё на поверхности лежало. А ты уже готов предсказательницей меня считать. И что дальше? Как вас там учат — «Ворожеи не оставляй в живых»?

Николай застегнул рюкзак и отодвинул его в сторону. Взял чертовку за плечи, заглянул в бесовские глаза.

— Отставить сырость! Свидимся ещё, и не раз. Это я человек подневольный, но ты-то в любой момент можешь меня навестить. Зайти «на огонёк», как у вас говорят.

— Я-то могу, — серьёзно ответила чертовка, — но тогда ты должен будешь меня убить. Или пойти под трибунал. Пойми, шутки кончились. Война уже совсем близко, а на войне... Ты и сам знаешь.

— Знаю, — кивнул Николай. — Значит, после войны?

— Если тебя не убьют, — ответила Бестия, — или не сделают из тебя расиста, мечтающего извести всех чертей, как класс.

— Ты же говорила, что это невозможно.

— Невозможно, — подтвердила чертовка, — но вы, люди, любите мечтать о невозможном. А когда легионы таких мечтателей собираются вместе, обычно начинаются кровавые переделы.

Николай легонько тряхнул Бестию за плечи.

— Кончай причитать! И не спеши меня хоронить, я и не из таких передряг выбирался.

— Вот именно, — сказала чертовка, — не из таких. О таких ты ещё и понятия не имеешь.

Николай тяжело вздохнул.

— Беська, ты же клёвая девчонка, своя в доску. А причитаешь как старая бабка. Что на тебя нашло?

Чертовка вытерла глаза кончиком хвоста и улыбнулась.

— Знаешь, в былые дни я частенько заходила на огонёк к мистеру Клеменсу. Обычно мы вели долгие беседы; он, в отличие от тебя, любил поболтать. Однажды мы заговорили о прошлом, и он сказал, что в прежние времена слова «оптимист» и «идиот» ещё не были синонимами. Но он ошибся, таких времён никогда не было. Короткоживущие всегда ошибаются, когда начинают рассуждать о времени.

— Намекаешь, что я идиот? — спросил Николай.

— Нет, — ответила Бестия, — ты не дурак. Ты самонадеян только потому, что недостаточно информирован. Ибо в малой мудрости мало печали, как у вас говорят.

— У нас говорят не совсем так, — возразил Николай. — А кстати, кто такой этот Клеменс?

— Сэмюэл мой давний знакомый. Тебе он тоже известен, он писал под псевдонимом Марк Твен.

Николай попытался вспомнить годы жизни писателя, но не смог — видимо, никогда и не знал. Кажется, Твен умер как раз перед Первой мировой. Можно уточнить, но зачем? Всё равно это уже ничего не изменит.

9

В патриархии Николая встретил секретарь, немногословный молодой человек с редкой бородкой. Приняв документы, он долго сверял их с данными в своём компьютере. Потом сложил их в пластиковую папку, запер в сейф и проводил Николая в медицинский корпус.

Медицинское обследование заняло почти весь вечер. Проверяли всё, что можно, но никаких существенных проблем врачи не нашли. Николая это не удивило, на здоровье он не жаловался. Одежду и личные вещи у него изъяли ещё в приёмном боксе; так что из рук эскулапов он вышел нагим, как при рождении. Единственной вещью, которую ему разрешили оставить, был маленький нательный крестик, подарок комбата.

В последнем боксе лежали запечатанные пластиковые пакеты с его новой одеждой. Трусы, футболка, носки, белый спортивный костюм и белые кроссовки. Николай оделся, и знакомый секретарь проводил его до машины. Усталость брала своё; Николай задремал и дальнейшие события воспринимал лишь отрывочно. Поездка по ночному городу, аэропорт, чартерный рейс. Вышколенный стюард принёс ему стакан апельсинового сока. Дальше — лишь сон без сновидений.

Услышав сигнал побудки, Николай вскочил и привычно потянулся за формой. Но формы не было, на табуретке у кровати лежал аккуратно сложенный спортивный костюм. На полу стояли кроссовки. Николай торопливо оделся, нашёл в тумбочке запечатанный гигиенический комплект и поспешил в санузел.

После завтрака дневальный отвёл Николая в комнату, где уже сидели трое призывников. Стойная темноволосая девушка, коренастый мужчина средних лет и худощавый подросток-хипстер. Все они были одеты в одинаковые спортивные костюмы, такие же, как у Николая. Когда он вошёл, все головы повернулись к нему. Николай поздоровался; мужчины кивнули в ответ, девушка улыбнулась. Он уселся на свободный стул и стал ждать.

Через несколько минут в комнату вошёл высокий мужчина с бледным лицом и белыми волосами до плеч. На нём был такой же спортивный костюм, как и на остальных, а поверх него нелепый короткий плащ, тоже белый. Совершенно нефункциональная вещь; такие бутафорские плащи можно увидеть разве что на мультишных принцах.

Мужчина встал около стола с бумагами и бегло оглядел четвёрку призывников, сидевших перед ним.

— Здравствуйте, курсанты!

Призывники встали и нестройно ответили на приветствие.

— Садитесь, — махнул рукой мужчина.

Все расселись по местам, мужчина остался стоять.

— Вы знаете, почему вас призвали. Равновесие в мире нарушено, объявлен красный уровень опасности. Служители веры переведены на военное положение. Началась мобилизация резервистов. Вы были нашим резервом, мы на вас рассчитывали. И ваше время пришло. С этого дня вы бойцы Светлого воинства. Я буду вашим командиром. Моё имя Джелиэль.

Николай поднял руку.

— Разрешите обратиться!

Джелиэль молча кивнул.

— Можно узнать ваше воинское звание?

— Можно. Я ангел.

Бутафорский плащик внезапно задрался и за спиной Джелиэля стали медленно расправляться белоснежные крылья. Курсанты затаили дыхание. Ангел с минуту полюбовался произведённым эффектом, затем так же неторопливо сложил крылья.

— И со мной можно общаться без этих формальностей, мы не на плацу.

10

Джелиэль замолчал, ожидая вопросов. Но курсанты, потрясённые увиденным, как будто окаменели. Ангел сел за стол, раскрыл лежавшую на нём папку, достал из неё четыре листочка и разложил их перед собой.

— Начнём с краткого знакомства. И сразу же присвоим вам позывные. Говорят, что первое впечатление обманчиво; но я ему доверяю.

Он взял со стола листок и начал читать:

— Николай Кравцов, иерей Русской Православной церкви, Россия. Рязанское высшее воздушно-десантное училище и Санкт-Петербургская духовная академия.

Джелиэль окинул беглым взглядом фигуру Николая и заметил:

— В первое легче поверить, чем во второе. И тут написано, что у тебя уже есть ник — Полковник. Интересно, за какие заслуги?

Вместо ответа Николай расстегнул куртку и оттянул воротник футболки, оголив изуродованное плечо. Девушка тихо охнула, ангел лишь молча кивнул и отложил листок в сторону.

— Понятно. Значит, Полковник. Идём дальше.

Ангел взял со стола второй листок.

— Анна-Луиза Смит, пресвитер Англиканской церкви, Великобритания. Оксфорд.

— Она говорит по-русски? — изумился Николай.

— Нет, конечно, — ответил Джелиэль, — и я тоже не говорю на ваших языках. Но эту проблему мы давно решили. Синхронный переводчик вживляется череп и напрямую подключается к слуховому нерву. Стандартная процедура для всех мобилизованных, иначе у нас была бы не армия, а Вавилонское столпотворение.

— И когда только успели, — буркнул Николай.

— Пока вы спали. Вы же хорошо выспались?

Ангел снова заглянул в листок, затем перевёл взгляд на девушку.

— Итак, Смит, сиречь кузнец. Извини, красотка, но на кузнеца ты явно не тянешь.

Ты у нас скорее Кузнецик.

Анна-Луиза смущенно улыбнулась, её щеки слегка порозовели. Видно было, что позывной ей понравился. Джелиэль взял следующий листок.

— Акмаган, унанганская шаман, Аляска. Ученик великого шамана Ахоута.

— Шаман? — переспросила Анна-Луиза. — А разве шаманы знают про инферно?

— Все знают про инферно, — ответил ангел, — только называют его все по-разному. Между прочим, Акмаган — единственный из вас, кто уже совершал вылазки в ситхугик Куядак, в нижний мир. Он самый опытный в группе; так что если на задании растеряетесь — смотрите на него. Шаман он и в инферно шаман.

Ангел взял последний листок и посмотрел на худосочного подростка с разноцветными дредами.

— Тарас Костенко, пастафарианец, Украина. Хакер-самоучка.

— Что?! — не выдержал Николай. — Пастафарианство — не религия, это дьявольская выдумка, издевательская пародия на таинства! Ему не место в наших рядах!

Джелиэль поднял руку в успокаивающем жесте.

— Нам нужна каждая душа. Пастафарианство проповедует добро, а значит, он будет сражаться вместе с нами. И потом, не забывай — первый прорыв хтони случился на Украине. Тараса нынешний кризис задел особенно глубоко, а это важнее выбора

вероисповедания. Если человек избрал путь борьбы со злом, то не важно, во что он верит — хоть в академ Кюудак, хоть в Летающего Макаронного Монстра с тефтельками.

— Макаронник! — фыркнула Анна-Луиза.

— Отлично, — сказал ангел, — значит, с позывными определились. Полковник, Кузнецчик, Шаман и Макаронник. Как вам?

— Мне нравится, — сказала Анна-Луиза, — звучит красиво.

— Красиво, — согласился Джелиэль, — но слишком длинно. Поэтому будет так — Полкан, Кузя, Шаман и Макар. Мой позывной — Джел. Вопросы есть?

Николай с сомнением оглядел свою группу. Шаман — крепкий приземистый мужик, силой явно не обделён. Но с армейской дисциплиной вряд ли знаком. Идти с таким в разведку — себе дороже. Кузя — стройная девушка, но точно не атлетка, в рукопашной на неё надежды мало. Если и занималась спортом, то, скорее всего, гимнастикой или фигурным катанием. Макар и вовсе дрыщ, соплён перешибёшь. Не боевое подразделение, а команда инвалидов.

— Расскажите об уровне боевой подготовки членов группы, — попросил Николай.

Джел повернулся к нему.

— Ты думаешь, тебя призвали из-за твоей военной подготовки?

— А разве нет?

— Нет, конечно. Вы здесь потому, что при рождении вас поцеловал Незримый Даймон.

11

По недоумённым взглядам товарищей Николай понял, что для них это явилось такой же неожиданностью.

— Кто поцеловал? — спросил он.

— Даймон. Свободный дух, который витает, где хочет. Он любит наблюдать за младенцами. Иногда выбирает кого-то и целует его в макушку. Туда, где родничок, где кости черепа ещё не срослись. Поцелуй Даймона делает человека везунчиком. Все вы здесь именно потому, что стали везунчиками. Это качество сейчас необходимо нам больше всего.

Николай задохнулся от возмущения.

— Это я-то везунчик?! А как тебе такое?

Он рывком задрал футболку до шеи. Джел внимательно осмотрел уродливый шрам.

— Пойдёт как доказательство. Прошёл бы осколок на несколько сантиметров правее, и ты бы сейчас не сидел с нами.

— Меня пытали! — Николай всё никак не мог успокоиться. — Ты хоть знаешь, что такое настоящая боль?!

— Теоретически. Но ты ведь выжил, единственный из разведгруппы.

— На хрен такое везение! С удовольствием обменял бы его на что-то менее стрёмное. Да хоть на невезение, если оно без такого экстрима.

— Ты не понимаешь, — терпеливо объяснил Джел, — нас интересует лишь настоящая, истинная удача. Выиграть в лотерее или найти свободное место на парковке — это ерунда, мелкие рандомные брызги. Но выйти живым из безнадёжной, смертельно опасной ситуации способен лишь тот, кого поцеловал Незримый Даймон. Это удача с большой буквы «У», иногда только с её помощью можно совершить невозможное и вернуться живым.

— Я не привык полагаться на удачу, — сказал Николай.

— Это понятно, — кивнул ангел, — ты же военный, привык к чёткому плану и чёткому исполнению. Но у нас, наоборот, операция, проведённая строго по плану — редкое исключение. Обычно приходится импровизировать на ходу, ибо враг нелогичен и потому совершенно непредсказуем. Ещё слепой случай может вмешаться, да мало ли что; а в итоге всё идёт не так. И тогда без везения никак не обойтись.

Джел убрал анкеты в папку и обратился к курсантам:

— Это касается всех. Везение — ваш самый ценный скилл; именно по этому качеству вас отбирали, именно его вы и будете прокачивать в нашем учебном центре.

Кузя подняла руку.

— А разве везение можно как-то развить?

— Хороший вопрос, — ответил Джел. — Разумеется, добавить себе удачи нельзя, во всяком случае, приемлемыми методами. Я научу вас другому — верить в свою удачу, не отворачиваться от неё. Поверьте, эффект будет тот же, если не лучше. Вопросы есть?

— Есть, — ответил Макар. — А скоро обед?

Ангел улыбнулся.

— Через двадцать минут. Кстати, специально для тебя сегодня в меню *pasta alla carbonara*.

12

После обеда Джел прочитал краткую лекцию о распорядке дня и правилах учебного центра, а потом провёл обзорную экскурсию по части. Штаб, оружейка, казармы, столовая, библиотека, учебные корпуса. Николай хотел бы подольше задержаться в оружейке, Кузю явно заинтересовала библиотека. Но ангел гнал, как на пожар — сегодня только самые общие сведения, остальное потом. И действительно, увидеть предстояло очень много, на осмотр одних только тренажёров ушло больше двух часов. К ужину все изрядно вымотались. Николай заснул, как только голова коснулась подушки.

Наутро начались тренировки. Джел привёл курсантов в небольшой спортивный зал, в центре которого на полу был начертан белый круг. У стен стояло несколько теннисных пушек. Ангел объяснил правила:

— Надо продержаться пять минут. Из круга не выходить, стараться избегать попаданий. И не пытайтесь угадать закономерность, её здесь нет. Пушками управляет контроллер с датчиком случайных чисел. Играли в детстве в вышибалы? Здесь примерно то же самое, только с несколькими мячами. Кто рискнёт попробовать первым?

Кузя вышла вперёд. Её игра напоминала выступление гимнастки, и Николай невольно залюбовался этим стремительным танцем. Впрочем, несколько попаданий она всё же пропустила. Следующим в круг вошёл Макар. Он смотрелся не так эффектно, дергался, как наркоман. Но, как ни странно, пропустил всего два мяча.

Шаман даже не пытался уклоняться, с его грузной фигурой это не имело смысла. Он ловил мячи и отбрасывал их в сторону. Получалось это у него довольно ловко, особенно когда он ловил два мяча одновременно.

Хуже всех выступил Николай. Он уклонялся от мячей, которые успевал заметить, но постоянно получал удары в спину. Это было обидно. По физической подготовке Николай заметно опережал всех, и по скорости реакций, видимо, тоже. Но в этом тренинге он проигрывал даже Кузе, не говоря уж о Шамане и Макаре.

— Твоя ошибка в том, что ты привык полагаться на свою реакцию, — объяснил ему Джел, — она действительно выше всяких похвал, не многие могут такой похвастаться. Но только включается она уже после того, как мячик начнёт движение. А интуиция включается на миг раньше, ещё до того, как пушка выстрелит. Учись полагаться на интуицию, и сразу станет легче.

Постепенно и у Николая стало что-то получаться, хотя от товарищей он всё равно безнадёжно отставал. Через неделю все четверо могли уверенно продержаться пять минут, не пропустив ни одного попадания. Тогда Джел увеличил интенсивность стрельбы и всё началось заново. После третьего цикла он объявил, что группа успешно прошла первый уровень.

Следующий тренажёр напомнил Николаю вертушку, с которой он работал на тренировках по рукопашному бою. Только усовершенствованную; здесь можно было получить удар не только по голове, но и по ногам. Чтобы уклониться от бамбуковых палок, приходилось то наклоняться, то подпрыгивать. Удары были довольно болезненны, а из

защиты курсанты получили только шлемы и наколенники. Да и те через неделю отобрали, приходилось рассчитывать лишь на свою реакцию. И на удачу, конечно.

После ужина по расписанию у курсантов было свободное время. Но не у Николая — эти часы он проводил в тренажёрном зале, пытаясь хоть как-то сократить своё отставание от товарищей. Кузя в это время пропадала в библиотеке, Шаман то ли медитировал, то ли говорил со своими духами. А Макар крутился как мог — заводил знакомства, что-то выыганивал, что-то выменивал. Говорил, что может достать что угодно, предлагал помочь. Однажды, когда друзья отдыхали после очередной тренировки, Макар спросил:

— А кто-нибудь из вас уже слышал небесный глас?

— Я нет, — ответила Кузя. — А что это?

— О-о-о! — Макар закатил глаза. — Небесный глас подобен трубному рёву, его ни с чем не спутаешь. Услышав его...

И в этот миг Николай услышал настоящий трубный рёв:

— Я ваш господин! Слушайте и повинуйтесь! На колени!!!

Кузя тут же упала на колени и перекрестилась. Николай напрягся и замер; что-то здесь было не так. Он огляделся. Шаман тоже стоял в недоумении, зато Макар буквально корчился от смеха.

— Ты?! — грозно спросил Николай.

— Видели бы вы свои рожи! — Макар всё никак не мог успокоиться.

— А если мы с Шаманом сейчас настучим тебе в бубен?

— Ну извините, просто не мог удержаться. Когда Джел сказал, что сигнал поступает прямо в слуховой нерв, я воспринял это как вызов. Любой хакер так реагирует на слово сигнал, потому что сигнал можно перехватить и модифицировать. Я перехватил его и расшифровал, а сейчас решил испытать свою новую игрушку.

Кузя вскочила на ноги, её лицо пылало. Она схватила Макара за грудки и резко тряхнула.

— Мой господин! Тебя так волнуют мои коленки?

С этими словами Кузя ударила бедного парня коленом в пах. Николай и Шаман инстинктивно скривились; кто говорит, что мужчины лишены эмпатии, пусть посмотрит на их лица в такие моменты. Макар схватился за причиндалы и согнулся пополам. Но тут же выпрямился, потёр бедро и удивлённо воскликнул:

— Промазала!

Николай усмехнулся — промахнуться из такого положения можно было разве что специально. Но вслух сказал:

— Везунчик! Плюс один к скиллу.

13

Спецподготовка в основном сводилась к тренингам в спортзалах, теории практически не было. Лишь изредка после обеда курсантам показывали учебные фильмы. Так было и в этот раз; но выбранная тема оказалась неожиданной. Трёхчасовой документальный фильм о работе казино, о правилах и тонкостях предлагаемых игр. Когда фильм закончился и включился свет, Кузя спросила:

— Зачем нам это? Мы что, должны заработать денег для воинства?

— Для какого-нибудь генерала, который строит очередную дачу, — предположил Макар.

Джел укоризненно посмотрел на него.

— Нельзя быть таким меркантильным. Бойцы светлого воинства не должны поклоняться золотому тельцу.

Макар наклонился к уху Николая и прошептал:

— Не делайте из еды культа, сказал Остап и, отняв у Паниковского огурец, съел его сам.

— Мне не нужны огурцы, — ответил Ангел, — я их не ем. Или что ты там ещё с ними делаешь.

Все засмеялись. Джел подождал, пока смех утихнет, и продолжил:

— Есть вещи, которые нельзя купить. И есть вещи, за которые можно получить всё. Как правило, это одни и те же вещи. И мне бы хотелось, чтобы вы ценили именно их. А деньги того не стоят, не в них дело. Поход в казино — это тестирование удачи. Зачёт за первый курс. Сумеете его сдать — перейдёте на второй.

Кузя с сомнением оглядела свой костюм.

— И мы должны идти в казино *в этом*?

— Нет, конечно, — успокоил её Джел. — Цель зачёта — испытать удачу, а не искушать её. Так что не переживай, будут тебе и туфельки, и чулочки.

Не стоило ему этого говорить. Николай сразу представил Кузю в чулках и невольно напрягся. Чтобы отогнать греховные мысли, он поспешил перейти к делу.

— В чём наша задача?

— Каждый из вас получит две фишкы по пятьдесят долларов, — ответил Джел, — Вам надо выиграть по пять тысяч. Способ выберете сами. Но уложиться нужно в сорок минут. Задание для новичков, вы справитесь.

— Когда приступать? — спросила Кузя.

— Сегодня, — ответил Джел, — нет смысла тянуть, вы уже к этому готовы. Возвращайтесь в свои комнаты, там вы найдёте всё необходимое. А после ужина я отвезу вас на точку.

Николай вернулся в свой отсек. Действительно, в шкафу на плечиках висел стильный костюм и рубашка с галстуком. Внизу стояли новенькие полуботинки. На полочке лежали дорогие часы и солидного вида бумажник, правда, пустой. Николай принял душ, неторопливо оделся и вышел к ужину.

Друзья выглядели так же элегантно, особенно эффектно смотрелась Кузя. В вечернем платье с открытыми плечами и голой спиной она меньше всего напоминала пресвитера. Стильный наряд удачно дополняла небольшая дамская сумочка. Платье провоцировало, наводило на греческие мысли. К счастью, лёгкий ужин не затянулся.

В машине Николай занял место рядом с водителем и всю дорогу смотрел прямо перед собой, стараясь не думать о том, что мог бы увидеть в зеркале заднего вида. Вскоре Джел припарковал машину на стоянке перед казино. Затем достал стопку жетонов и выдал каждому по две штуки.

— Я буду ждать вас здесь, в машине.

Курсанты взяли фишкы и вошли в казино. Николай и Шаман выбрали рулетку, Кузя и Макар направились к карточным столам. Николай сразу начал играть на повышение. Шаман стоял за его спиной, наблюдая за игрой. Когда выигрыш перевалил за пять тысяч, Николай собрал фишкы, отошёл от стола и огляделся. Кузя и Макар уже закончили игру, они сидели у стойки бара и что-то пили. Взглянув на часы, Николай улыбнулся — он уложился в двадцать три минуты, вполне достойное время.

Шаман пропустил ещё две игры, а затем поставил свои фишкы на семнадцать. Забрал выигрыш и махнул рукой в сторону двери — уходим. Друзья обменяли фишкы на купюры, сложили их в Кузину сумочку и направились к выходу. На последних метрах дорогу им преградили два дюжих охранника — один матёрый, второй совсем молодой.

— Вам придётся пройти с нами, — сказал матёрый, — директор хочет с вами поговорить.

— А мы не хотим говорить с вашим директором, — ответил Николай.

— Это неважно, — отрезал охранник, — вы вели себя слишком подозрительно, поэтому ответить на некоторые вопросы вам всё же придётся.

— Вам нужен скандал? — спросил Николай. — Рискнёте репутацией из-за паршивых двадцати тысяч?

— Вам придётся пройти с нами, — упрямко повторил охранник.

— Мы играли честно! — вмешалась Кузя. — Все видеокамеры это подтвердят!

После нескольких месяцев в учебном лагере она совсем забыла, что у охранников нет вживлённых синхронных переводчиков. Услышав английскую речь, молодой охранник смутился. Заметив его замешательство, Кузя шагнула вперёд. Охранник схватил её за руку и потянул к себе. Николай рванулся к нему.

— Он же ей руку сломает, гад! — промелькнуло в голове.

А тело уже действовало на рефлексах. Апперкот левой и хук правой. Лязг ломающихся зубов и глухой удар головы о стену. Охранник повалился на пол безвольным мешком. Николай развернулся в боевой стойке, но опоздал. Шаман ударил ладонью в грудь матёрого охранника и тот отлетел к стене.

Бой был окончен. Один охранник лежал без сознания, второй держался за грудь, судорожно пытаясь вдохнуть. Николай взглянул на часы — тридцать семь минут. Порядок, уложились. Друзья вышли из казино и подошли к машине. Кузя рывком распахнула водительскую дверь и бросила раскрытую сумочку на колени Джелу.

— Ты знал, что нас не захотят выпустить?!

Ангел кротко улыбнулся.

— Я же предупреждал, что это будет тестированием вашей удачи. Но удача нужна не только для того, чтобы выиграть. Не меньше везения нужно, чтобы выйти из казино с деньгами. Особенно после того, как вы выиграли.

14

И вновь потянулись дни бесконечных тренировок. Каждый новый уровень был сложнее и травмоопаснее предыдущего, но друзья справлялись. Даже Николаю удавалось отделяться лишь синяками и шишками. Через два месяца все снаряды были пройдены, и упражнения пошли по второму кругу — на повышенной скорости. Но скорость нельзя увеличивать бесконечно, физиология жёстко ограничивает пределы возможностей. По всему выходило, что обучение подходит к концу.

И действительно, вскоре Джел объявил, что завтра группу ждёт последнее испытание — выпускной экзамен. Ночью Николай спал беспокойно, его мучали дурные предчувствия. Проснувшись, он не нашёл на табуретке сложенной спортивной формы. Зато шкаfu на плечиках висел стильный костюм, тот самый, в котором он играл в казино. Николай оделся и пошёл в столовую.

Друзья уже сидели за столом. Мужчины были в дорогих костюмах, Кузя — в вечернем платье. На столе рядом с ней лежала небольшая дамская сумочка. Николай кивнул друзьям, сел рядом и принял за еду. Все ели молча, глядя в тарелки. Напряжение чувствовалось во всём — в лицах, в позах, в движениях. Кузя отодвинула почти нетронутый омлет.

— Не могу, кусок в горло не лезет. Подожду вас на воздухе.

Она торопливо вышла из столовой. Макар присоединился к ней. Николай и Шаман в молчании закончили трапезу.

После завтрака Джел привёл курсантов в длинную комнату, стены которой были облицованы белым кафелем. У входа стоял широкий стол, на котором лежали четыре револьвера и коробка с патронами. Николай узнал оружие — шестизарядный Кольт Питон, четырёхдюймовый ствол, калибр 357 Магнум. Слишком мощный заряд для небольшого револьвера, отдача будет сильной. Надо предупредить Кузю, чтобы была готова, а то, неровен час, вывихнет руку.

Николая охватило радостное возбуждение — если выпускной экзамен будет в тире, то он, возможно, сумеет, наконец, догнать товарищей. А то и обогнать — удача удачей, но годы практики никто не отменял.

Джел обошёл стол, встал с другой стороны и раскрыл коробку с патронами. Взял крайний револьвер, откинул барабан и, убедившись, что все каморы пусты, один за другим вставил в них четыре патрона. Затем положил заряженный револьвер на стол и взял следующий.

— Он шестизарядный, — напомнил Николай.

— Я знаю, — ответил ангел.

Зарядив все револьверы, он поднял голову и посмотрел на курсантов.

— Поздравляю, вы успешно прошли весь курс обучения. Сегодня у вас будет последний экзамен. Вы, наверно, уже догадались, что это русская рулетка. Очень простая игра, проще не бывает. Берёте револьвер, отходите к дальней стене, вращаете барабан и стреляете себе в голову. Только не стреляйте в висок, это киношный стереотип. Если рука дрогнет, можно остаться живым трупом. Самый надёжный способ — вставить дуло в рот и стрелять вверх, через нёбо, чтобы в случае неудачи гарантировано разнести мозг. Но, надеюсь, до этого не дойдёт. В каждом барабане шесть камор — две пустых и четыре с патронами. С вашей подготовкой у вас неплохие шансы. Хотя человеку с улицы я бы такую игру не посоветовал.

Курсанты замерли, не решаясь взять оружие. Глаза Макара округлились.

— Ты спятил?! Если сейчас удача отвернётся, то всё, конец! И никто ничего не сможет исправить!

— Ты прав, — ответил Джел, — на этом экзамене пересдач не бывает. Но тут я ничем не могу помочь, это обязательное испытание. Если удача может отвернуться от тебя, значит, ты нам не подходишь. Потому что если удача отвернётся от тебя на задании, могут погибнуть миллионы. Лучше потерять одного человека сейчас, чем так рисковать.

Ангел обвёл глазами курсантов и остановил свой взгляд на Кузе.

— Это касается всех. Кто не готов к испытанию — может отказаться.

Кузя гневно вскинула голову.

— А что ты на меня уставился? Гендерные стереотипы в жопе заиграли? Мужской шовинизм?

— Я же ангел, — напомнил Джел, — у меня нет пола. И жопы, в которой может что-то заиграть, у меня тоже нет.

— Не важно, — махнула рукой Кузя, — все вы, неженщины, одинаковы.

Она взяла револьвер и вышла на середину комнаты. С сомнением посмотрела на воронёное дуло.

— Он хоть стерilen?

— Не знаю, — ответил Джел, — раньше никто об этом не спрашивал.

Он повернулся к курсантам.

— Вот вам образец истинного оптимизма. Берите пример с вашей подруги.

Но Кузя не спешила с выстрелом. Она отложила револьвер, порылась в сумочке и извлекла оттуда серебристый квадратик. Зубами вскрыла упаковку, достала презерватив и натянула его на ствол. Макар восхищенно присвистнул. Кузя посмотрела на него.

— С банановым вкусом, — сообщила она. — Хочешь? У меня ещё есть, могу поделиться.

— Нет, спасибо, — ответил Макар, — пожалуй, обойдусь без такого опыта.

— Как хочешь.

Кузя пожала плечами и встала у кафельной стены. Трижды крутанула барабан, запрокинула голову, вложила в рот дуло с банановым вкусом и нажала на спусковой крючок.

15

Николай зажмурился. Если удача изменит Кузе, пуля полностью снесёт ей затылок. А отдача вырвет кусок челюсти вместе с зубами. Такое лучше никому не видеть. Казалось, время остановилось. Наконец раздался долгожданный щелчок курка. Повезло. Николай выдохнул и открыл глаза.

Побледневшая Кузя дрожащими руками сняла презерватив со ствола и кинула его в мусорную корзину. Достала из сумки несколько серебристых пакетиков и бросила их на стол.

— Никто не передумал? Или суровые самцы предпочитают вкус оружейного масла вкусу банана?

— Тому, кто выживет, вкус оружейного масла покажется божественным, — ответил Макар.

— И то, что это дуло уже побывало у кого-то во рту, вас тоже не волнует? Я вот, например, совсем не хочу подцепить герпес или что похуже.

Макар улыбнулся.

— Это понятно, ты же девочка.

На Кузю такие фразы действовали как красная тряпка на быка.

— А сам-то ты кто? Ты точно мужчина? Тогда вперёд, к барьера!

Макар взял револьвер, отошёл к дальней стене и несколько раз крутанул барабан. Затем раскрыл рот как можно шире и нацелился в нёбо, стараясь не касаться ствола губами. Щёлк! Боёк, не найдя капсюля, ткнулся в пустую камору. Макар отложил револьвер и вытер пот со лба.

Шаман даже не стал отходить от стола. С отрешённым лицом он раскрутил барабан, вложил ствол в рот и плавно потянул спусковой крючок. И снова — только щелчок курка.

— Ещё один оптимист, — сказал Джел. — Мне нравится настрой вашей группы.

Но радости в его голосе не было. Видимо, он хотел добавить, что отойти к стене всё же стоило, надо уважать труд уборщицы. Но не решился; такие слова могут спугнуть если не удачу, то веру в неё.

Николай понял его правильно и отошёл от стола. Покрутил барабан, сжал зубами прохладный ствол. Вихрь мечущихся мыслей внезапно стих, осталась лишь одна — надо сделать всё правильно. Он медленно согнул палец. Щелчок раздался, но какой-то непривычный. Николай откинул барабан и похолодел — камора была не пуста. Осечка! Он снова крутанул барабан и поднял револьвер. Внезапно Кузя сорвалась с места и повисла на его руке.

— Осечка засчитывается!

— Осечка засчитывается, — подтвердил ангел, — экзамен сдан.

— Но почему? — спросил Николай.

— Я ведь уже объяснял — вы пришли сюда испытывать удачу, а не искушать её.

Если вы не научитесь чувствовать эту разницу, то долго не проживёте.

Кузя отошла в сторону и, опустив голову, стала поправлять несуществующие складки на платье. Пытаясь скрыть смущение, она неторопливо собрала упаковки с презервативами и спрятала их в сумочку. Покончив с этим, подняла глаза на ангела.

— Я не ошиблась, в твоей мотивирующей речи было слово «выпускной»?

— Ты не ошиблась.

— Значит, мы закончили обучение?

— Да, с отличием. Примите поздравления и всё такое; не люблю торжественных речей.

— Теперь нас распределят по подразделениям? — спросил Николай.

Кузя закусила губу и с надеждой посмотрела на ангела. Тот покачал головой.

— Зачем? Мы стали слаженной командой, будем и дальше работать вместе.

Кузя облегчено выдохнула, и не она одна; все заметно повеселели.

— А что мы должны делать? — спросил Макар.

— Мы сапёры, — ответил Джел, — нас будут посыпать в горячие точки. Туда, где хтонь подошла слишком близко к поверхности. Наша задача — успеть деактивировать возможный выброс.

Мандраж от пережитого не отпускал, возбуждение переполняло и требовало немедленного отыгрывания. Друзья выбрали самый эффективный способ снятия напряжения — пошли в бар. Не очень честно по отношению к ангелу, который мог только

смотреть и причмокивать; ну да ему не привыкать. К тому же это не он только что играл в рулетку со смертью.

Кузя подняла бокал.

— За нашу команду! Я так боялась, что нас расформируют. Вы, конечно, грубые мужланы, но я почему-то к вам привязалась. И я рада, что завтра снова увижу ваши жуткие рожи.

Все выпили, не чокаясь.

— А нам дадут оружие? — Макар.

— Разумеется, — ответил ангел, — любое, по вашему выбору. Но это должно быть оружие скрытого ношения; думаю, не надо объяснять, почему. Кстати, предыдущая группа выбрала те револьверы, с которыми сдавала экзамен. И в этом есть смысл — после такого испытания те револьверы действительно стали их «счастливым» оружием.

— Питоны? — спросил Николай.

— Нет, Ругеры, — ответил Джел, — Питоны тогда еще не выпускали.

И, заметив удивлённый взгляд Николая, добавил:

— Мы ведь не часто собираем спецгруппу, только когда хтоны уже на прорыве.

Последний раз такое было в тридцатых, почти век назад.

— Не сказал бы, что та группа справилась на отлично, — заметил Макар. — Насколько я знаю историю, накосячили они знатно.

— Накосячили, — согласился ангел, — но справились. В альтернативной версии истории атомная бомба появилась у Германии ещё в сорок четвёртом. А дальше — можете сами представить.

— Не хотите рассказать нам о той группе? — спросила Кузя.

— Не хочу. Меньше будете знать — дольше будете жить.

— Потому что во многом знании много печали? — спросил Николай.

— Потому что избыточное знание может поколебать вашу веру в удачу. А от этого будет зависеть ваше выживание.

— За выживание! — поднял стакан Николай.

Все снова выпили.

— А мне мой револьвер понравился, — сказал Макар, — и я ему, кажется, тоже. Во всяком случае, он не захотел меня убить. Возьму его.

— Хороший выбор, — одобрил Джел. — А вы что скажете?

— Согласна, — ответила Кузя, — я тоже почувствовала что-то подобное. И в руке он удобно лежит. Беру.

— И я, — кивнул Шаман.

— А я нет, — сказал Николай. — Не могу доверять оружию, давшему осечку.

— Эта осечка спасла тебе жизнь, — напомнил ангел.

— Не важно. Если нет доверия, остальное не имеет значения. Мой выбор — Глок 17. Плюс Беретта нано. И нож, конечно; сам выберу в арсенале.

— Хорошо, — согласился ангел.

— А я ещё возьму мачете, — сказал Шаман.

Джел удивлённо посмотрел на него, но ничего не сказал. Следующий тост был за оружие.

— А чем ты вооружён? — спросила ангела Кузя. — Огненным мечом? Или у тебя есть что-то покруче?

— Вам лучше этого не знать, — ответил тот.

— Ты не прав, — возразил Николай, — мы должны понимать, каким оружием ты располагаешь. И желательно с подробными тактико-техническими характеристиками.

— Зачем вам это?

— Ты наша огневая поддержка; если мы пехота, то ты наша артиллерия и авиация. Мы должны знать, на какую помочь можем рассчитывать.

Ангел нахмурил белёсые брови.

— Не всё так просто. У меня богатый арсенал, но у моего оружия есть ряд серьёзных ограничений. Грубо говоря, оно прекрасно работает против чистого зла. Но против того, у кого в душе свет, я не могу его применить. А поскольку светлое пятно в душе есть почти у каждого, обычно я бессилен. Если что-то и смогу, то лишь в порядке исключения, как «бог из машины». Так что вам лучше рассчитывать только на себя. И на свою удачу, конечно.

17

Первое задание группа получила через месяц. Сигнал тревоги собрал команду в зале совещаний. Ждали Джела, но вместо него пришёл другой ангел, Толстый Ахайя. Друзья хорошо его знали, на втором курсе он учил их искусству маскировки. Ахайя отличался от прочих ангелов избыточным… нет, не весом, конечно; какой у ангела вес. Избыточным объёмом, особенно в области талии. Никто не мог понять, как такое возможно. Что могло сломаться в метаболизме ангела, чтоб он начал расти вширь. Самому Ахайе его округлость нисколько не мешала, но он старательно играл роль страдающего толстяка — краснел, пыхтел и отдувался. Доставал носовой платок размером с небольшое полотенце и вытирая несуществующий пот со лба.

Но сейчас Ахайя был предельно серьёзен. Он раздал друзьям запечатанные конверты и пояснил:

— Здесь паспорта для вашей новой легенды. Откроете в самолёте.

— А где Джел? — спросила Кузя.

— Он уже на месте, изучает вопрос. Вы же знаете, что ангелы способны перемещаться почти мгновенно. И, в отличие от некоторых, мы не оставляем при этом никакого карбонового следа.

— В чём заключается наше задание? — спросил Николай.

— Все инструкции получите после приземления, — ответил Ахайя. — А сейчас собирайтесь, сбор через двадцать минут на вертолётной площадке.

Николай вернулся в свою комнату, открыл стенной сейф, достал оружие и запасные обоймы. Аккуратно сложил всё в походную сумку. Раскрыл «тревожный чемоданчик» и осмотрел его содержимое — бронежилет, рация, бинокль, прицел ночного видения. В отдельной упаковке аптечка, сухой паёк и гигиенический комплект. Николай расправил смятый пакет и закрыл крышку — всё это лишнее. Оружие должно быть своим, пристрелянным; остальное можно получить на месте.

Вертолёт доставил друзей на аэродром. Небольшой самолёт уже ждал их, он взлетел, как только отъехал трап. Солнце было в глаза; Николай задёрнул шторку на иллюминаторе и поднял её лишь когда колёса коснулись земли.

— Дозаправка, — объявил стюард, — можете выйти размяться. Но от самолёта лучше не отходить.

Николай вышел на бетонную полосу. День клонился к вечеру, жара сменилась приятной прохладой. Летим на восток, — понял Николай, — навстречу ночи. Вскоре заправщик отъехал, друзья вернулись на борт, и самолёт поднялся в воздух. Монотонный гул убаюкивал, и Николай задремал. Когда он проснулся, за иллюминатором уже была ночь. Самолёт заходил на посадку.

Через несколько минут друзья сошли на землю. Ночной аэродром был пуст, их встречал только Джел. Вдалеке виднелись огни небольшого посёлка, с другой стороны простиралась водная гладь. Лунная дорожка дрожала на её неровной поверхности.

— Это море? — спросил Макар.

— Да, это Филиппинское море, — ответил Джел.

— То есть мы сейчас на Тайване?

— Да.

— Никогда не думал, что увижу Тайвань.

— Ты его и не увидишь. Наш вертолёт уже ждёт нас.

— Вот так всегда, — разочарованно протянул Макар, — побывал на Тайване, но ничего не увидел.

— Считай, что это тебе приснилось, — ответил ангел. — Официально нас здесь не было.

18

Вертолёт — не место для дискуссий, если, конечно, вы не хотите сорвать голос. Всю дорогу друзья молчали. Николай снова задремал. Проснулся он от того, что Кузя толкнула его в бок.

— Подлетаем! — прокричал Джел.

Николай посмотрел в иллюминатор и почувствовал, как сжимаются внутренности, а кожа покрывается мурашками. Корабль, к которому они приближались, был военным. Пушка на носу и ракеты на корме. Николай даже узнал его — Катран, патрульный катер ВМФ.

Вертолёт завис над палубой и сбросил вниз верёвочную лестницу. Команда сошла на борт. Кузя в недоумении уставилась на пушку.

— Это же военное судно!

— Да, — подтвердил ангел, — у нас есть друзья и на флоте.

— А где экипаж? — спросил Николай.

— В каютах. Нам не нужны лишние глаза.

Макар похлопал пушку по зачехлённому стволу.

— Это нам повезло! Когда у тебя за спиной такая мощь, чувствуешь себя гораздо уверенней.

Джел покачал головой.

— На самом деле, нет. Но выбирать не приходилось, других подходящих судов в этом районе нет.

— А что в этом плохого? — спросил Макар. — По мне так чем больше калибр, тем лучше. Размер имеет значение.

— Это оружие связывает нам руки, — объяснил ангел, — на гражданском судне мы могли бы зайти в территориальные воды Тайваня, проблем бы не было. Но на таком монстре к ним лучше и близко не подходить. Удар противокорабельной ракетой по военному кораблю приведёт к мощному выбросу хтони, в этом месте она кипит совсем близко от поверхности. Нас прислали сюда, чтобы предотвратить прорыв, а не чтобы вызвать его.

— Ты хочешь сказать, что мы ограничены во времени? — догадался Николай. — На гражданском судне его у нас было бы больше, а на этом придётся ускориться?

— Именно, — кивнул ангел, — мы ограничены в пространстве, а значит, и во времени. Такая вот пространственно-временная связь.

— Да что случилось-то? — спросила Кузя. — Ахайя нам так ничего и не сказал.

— Это долгая история, — ответил Джел, — давайте спустимся вниз, там нам будет удобнее.

Он привёл друзей в кают-компанию, все расселись и замерли в ожидании.

— Ну рожай уже, наконец, сколько можно! — не выдержала Кузя.

— Хтонь подошла к поверхности, — начал ангел.

— Это мы уже поняли! И что?

— И разбудила Кракена.

— Кого? — не понял Николай.

— Кракена. Повелителя адских вампиров.

С минуту все молчали, пытаясь осознать сказанное.

— А это разве не твоя работа? — осторожно спросила Кузя. — Адские вампиры — это же чистое зло, порождение инферно?

— Нет, — ответил ангел, — это твари вашего мира, из адского у них только название. Не совсем удачное, согласен. Адские вампиры — это головоногие из отряда вампироморфов. А Кракен — их ближайший родственник, гигантский осьминог.

— Разумный? — догадалась Кузя.

— К сожалению. Но это чуждый вам разум, поднявшийся по совсем иной эволюционной лестнице. Ваш мозг компактно упакован в черепную коробку. А у Кракена он частично распределён по всему телу. И у вас всего один мозг. А у него кроме центрального узла действуют ещё восемь отдельных центров принятия решений. Эти разумы связаны, но при этом автономны.

— Как у шизофреников с расщеплением личности? — спросила Кузя.

— Почти. Только у Кракена все разумы действуют одновременно и совместно.

— Понятно, — сказал Макар, — у шизика это баг на программном уровне, а у Кракена — фича на аппаратном уровне.

Ангел кивнул.

— Ты уловил суть.

19

Макар залез в инет и удивлённо воскликнул:

— Херасе! У этого монстра ещё и три сердца. И голубая кровь. Всё не как у людей.

— Но это же не преступление, — сказал Николай. — Так почему всё-таки он нас заинтересовал?

Ангел включил проектор и вывел на экран карту Тихого океана.

— Сигнал поступил от учёных, наблюдавших за миграциями адских вампиров.

После обработки всей информации, получилась вот такая картина.

На карту наложился рисунок, напоминающий кривое дерево со множеством ветвей.

— Похоже на реку с притоками, — сказала Кузя.

— Очень точная аналогия, — согласился Джел. — На самом деле, это путь Кракена. Он движется от Марианского жёлоба к Тайваньскому проливу, а по пути к нему присоединяются всё новые группы адских вампиров. Сейчас Кракен остановился недалеко от нас, ждёт последнюю группу с севера. Когда она подойдёт, вся эта армия двинется на запад и окажется в территориальных водах Тайваня. Тогда мы уже ничего не сможем остановить.

— Сколько у нас времени? — спросил Николай.

— По нашим расчётам от двух до трёх суток.

— Мы можем запустить дрон и наблюдать за Кракеном?

— Уже.

Ангел вывел на экран изображение с камеры дрона. Затонувшая яхта с пробоиной в борту лежала на скалистом морском дне. В другое время такая находка заставила бы Николая забыть обо всём. Но только не сейчас; сейчас он думал лишь об одном.

— А где Кракен?

— Внутри, — ответил Джел. — Осьминоги любят такие убежища. Их предки жили в раковинах; видимо, какая-то память ещё осталась.

— Нужен круговой обзор, — сказал Николай, — надо понять, есть ли там другие выходы.

— Постойте! — вмешалась Кузя. — Вы что, хотите его убить? А с чего вы взяли, что это именно он вызовет прорыв хтони?

— Наши аналитики так считают, — ответил Джел.

— Но они могут ошибаться! Какие у них доказательства?

— А как, по-твоему, Кракен управляет адскими вампирами? — ответил ангел вопросом на вопрос.

— Он телепат?

— Исключено, мы проверили.

— Тогда как?

— «Отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался», — процитировал Джел. — Мы пришли к выводу, что он действует, как любой проповедник — обещает своим адептам построить рай на воде.

— В смысле?

— Море, полное мяса. Кровавые реки, мясные берега.

— Он хочет войны? — догадался Шаман.

— Именно.

— Но тогда он и есть чистое зло, — сказала Кузя, — а значит, ты можешь его покарать.

Ангел печально покачал головой.

— Не всё так просто. Для своих родичей Кракен хочет только добра. Его помыслы чисты.

— Чисты?! — возмутился Макар. — Он же хочет жрать людей! Жрать разумных!

— Для него вы просто еда. Ничего личного. Вы же едите коров — потому что не считаете их разумными. Вот и он не может считать разумными тех, у кого всего один мозг.

— Но у людей технологии! — не сдавался Макар. — Он же не может этого не видеть!

— У термитов тоже технологии. Для создания сложных сооружений совсем не обязательно осознавать себя.

20

Щёки Кузи порозовели от гнева, и Николай отметил, что это ей чертовски идёт. Тело девушки напряглось, её голос дрожал.

— Ты шутишь?! Какой-то голожопый молюск считает нас безмозглыми?!

— Не голожопый, а головожопый, — поправил Макар, — хотя и голожопый, конечно, тоже.

— Долбаный самец!

— Вообще-то это самка, — сказал Джел.

— А я что говорил! — воскликнул Макар. — У них всё не как у людей. Это на земле у самцов всё просто — «сунул, вынул и бежать», а самка будет рожать и заботиться о потомстве. Но в воде всё иначе — самка отложит яйца и бежать, а самец только после этого сможет их оплодотворить. Ему все заботы и достанутся. Морской закон — кто последний встал, остался без тапок.

Кузя открыла рот, чтобы возразить, но не нашла подходящих аргументов.

— Всё нормально, — успокоил её Макар, — твою картину мира это не должно поколебать. Да, биологически Кракен — самка. Но если перевести на наш гендер, она типичная мужская шовинистическая хуемразь. Сбросит яйца и поплыёт развязывать третью мировую.

— Кончай кривляться! — оборвал его Николай. — У нас не так уж много времени. Макар пожал плечами.

— А что мы паримся, в самом деле? Долбанём по ней торпедой и все дела. Я видел, там на корме есть несколько штук.

— Там ракеты, — возразил Николай, — на этом катере нет торпед.

— Даже если бы были, это не решило бы наших проблем, — добавил Джел. —

Если мы убьём Кракена, адские вампиры завершат дело без неё.

— Тогда что же мы должны сделать? — спросил Николай.

— Не знаю. Надо как-то её деактивировать. Перенастроить.

— Но как?!

— Понятия не имею.

— Отлично, — сказал Макар, — миссия невыполнима.

— А что за дело, которое вампиры должны завершить? — спросила Кузя.

Ангел подошёл к проектору и курсором отметил точку на экране.

— Вчера в Филиппинское море вошла яхта «Миротворец». Сейчас она здесь. На борту яхты та самая Марта Паркер. Слышали о ней?

Друзья переглянулись и помотали головами.

— Тринадцатилетняя девочка, афроамериканка, «посол мира». Совершает кругосветку на парусной яхте, встречается с известными политиками, даёт интервью. Ничего выдающегося, через пару лет о ней никто и не вспомнит. Но сейчас к ней приковано внимание всех ведущих СМИ, она любимица Америки и всего мира. Если Марта будет убита, такое нельзя будет замять. Хтонь непременно прорвётся. А если это случится в Тайваньском проливе, и если на берегу найдут тело девочки со следами насильственной смерти, хтонь хлынет потоком.

— Представляю, — сказала Кузя.

— Ни хера себе за хлебушком сходила, — прокомментировал Макар, — в смысле, совершила «вояж мира».

— Заткнись! — оборвал его Николай. — Сколько можно трендеть.

Макар обиженно замолчал. Николай повернулся к ангелу.

— Надо послать за Мартой вертолёт и перевезти её на континент.

Джел укоризненно посмотрел на него.

— Не надо держать нас за идиотов. У нас, конечно, не по девять мозгов, но такие вещи мы просекаем. Разумеется, ей предлагали эвакуацию, с этого и начали. Но эта послыша — упрётая фанатичная сучка. Для неё нет ничего важнее её фотографий на первых полосах. И она совсем не понимает риска. Какие-то молюски, осьминоги — да что они могут, она их тарелками жрала.

Николай пожал плечами.

— Можно её и не спрашивать.

— Мы просчитывали все варианты, — ответил Джел, — вой в любом случае поднимется до небес. Хтонь обязательно прорвётся. А этот регион и без того слишком горяч, может начаться цепная реакция. Возможно, нам проще будет поладить с головоногими, чем с этой пубертатной дурищей.

21

Кузя возмущенно вскочила с места.

— Прекратите этот сексизм! Мужланы! Представляю, что вы ей наговорили. Я сама объясню всё Марте. Вызывайте вертолёт.

Джел скрчил презрительную гримасу, но возражать не стал. Кузя вернулась через пять часов. Её мрачная физиономия говорила сама за себя, о результатах переговоров можно было не спрашивать. Но Макар всё же не удержался.

— Что, и эта девочка по гендеру оказалась самцом?

Отвечать Кузя не стала. Она подошла к Николаю и спросила:

— Какой у нас план?

— Разведка. Гидрокостюмы и акваланги уже на палубе.

Он махнул рукой в сторону кормы. Кузя подошла к разложенным комплектам и приподняла один костюм.

— Этот мой?

Ответа не требовалось, и по размеру всё было понятно. Но Николай благородно не стал упоминать об этом, лишь коротко кивнул.

— Да.

Кузя расстегнула молнию на камуфляжном комбезе и ловко выскользнула из него. Николай резко отвернулся, но стройная фигурка в чёрном белье так и осталась стоять у него перед глазами. Казалось, она отпечаталась на сетчатке. Но Николай понимал, что всё гораздо серьёзнее. Если бы на сетчатке — то и греха бы не было, обычные физиологические эффекты. Но соблазнительный образ намертво впечатался в память, и теперь его оттуда ничем не вытравить.

— Кузя, — попросил Николай, — не торопись. Мы ещё не готовы.

— Подожду внизу, — огрызнулась девушка.

— Надо проверить связь.

— Проверяйте.

Николай услышал негромкий всплеск и обернулся. Кузя уже спустилась по сброшенной лестнице, над водой оставалась только её голова.

— Подожди! — крикнул Николай.

Но было уже поздно. Он выругался, скинул комбез и принял торопливо натягивать гидрокостюм.

— Шаман, со мной! Макар, остаёшься на борту, будешь держать связь. И вызывай Кузю! Вызывай, пока не откликнется!

— Не отвечает, — отозвался Макар, — ей не до нас. Не смогла договориться с одной самкой и решила, что с другой у неё получится.

— Отставить! — рявкнул Николай. — Макар, все разговоры только по делу. И предельно коротко. Продолжай вызывать.

— Готов! — доложил Шаман.

Он направился к лестнице; ножны с мачете били его по бедру при каждом шаге.

— Спускаемся! — скомандовал Николай.

Они вошли в воду и поплыли к затонувшему кораблю. Перехватить Кузю им не удалось, девушка уже двигалась вдоль борта. Внезапно из пролома выплыла гигантская туша Кракена. Семь щупальцев рванулись к Кузе, обвили руки, ноги, шею, талию. В наушниках раздался отчаянный крик девушки:

— Помогите! Полкан! Помоги!..

Мужчины, не сговариваясь, кинулись вперёд. Два щупальца оторвались от жертвы и потянулись к Николаю, ещё два — к Шаману. Николай увернулся от захвата и сумел проскользнуть к последнему, восьмому щупальцу. Выхватил из ножен на бедре дайверский нож, с размаху пригвоздил щупальце к деревянному борту и всем телом налёг на рукоятку. Бросил быстрый взгляд назад — Шаман, превратив мачете в смертоносный пропеллер, пытался пробиться к Кузе.

— Шаман! — закричал Николай. — Сюда! Руби это! Под корень!

Он сам не верил, что у него что-то получится. Шаман ведь видел, что Кузя уже теряет сознание, слышал в наушниках её сдавленные хрипы. А Николай был в относительной безопасности, ему пока ничто не грозило. К тому же армейского опыта у Шамана не было, его представление о приказах и дисциплине было весьма своеобразным. И всё же он понял Николая, рванулся к нему и одним ударом отрубил щупальце Кракена. По телу осьминога прошла рябь разноцветных пятен, он отпустил Кузю и скрылся в чернильном облаке. Николай подхватил обмякшее тело подруги и поплыл наверх.

Увидев их, Джел сразу всё понял. Он прокричал что-то в радио, и уже через минуту застремотала лебёдка, спуская на воду плавающие носилки. Шаман притопил их, и Николай аккуратно уложил Кузю на мокрый пластик.

— Поднимайтесь! — крикнул он ангелу. — Только осторожнее, возможно, у неё сломаны рёбра.

Внезапно девушка открыла глаза и прошептала:

— Полкан, сука... Я же тебя звала... Ненавижу...

И снова впала в забытьё.

— Ты ведь жива, — сказал Шаман, — а значит, Полкан всё сделал правильно.

Но Кузя его уже не слышала.

22

Пятнадцать минут у дверей медпункта показались Николаю вечностью. Наконец к друзьям вышел корабельный врач в белом халате.

— Внутренних повреждений нет, но девушка испытала сильный стресс. Я вколол ей снотворное, проспит часов восемь.

Николай облегченно выдохнул — повезло! Не зря всё-таки Даймон целовал её в макушку.

— Пройдёмте в кают-компанию, — сказал Джел, — есть разговор.

В молчании они прошли через пустой коридор. Как только дверь за ними закрылась, Шаман спросил:

— Мы провалили задание?

— Наоборот, — ответил ангел, — у вас всё получилось. Кракен плывёт в сторону Марианского желоба, адские вампиры возвращаются на свои территории. Как вам это удалось?

— Я вычислил доминирующее щупальце, а Шаман его отрубил, — ответил Николай.

— Моё дело маленькое, — сказал Шаман, — Я только раз шашкой махнул. Это Полкан его поймал и пригвоздил к обшивке.

— А как ты его вычислил? — спросил Макар.

— Интуиция, — ответил Николай. — Джел ведь сказал, что у него светлое пятно в центральном мозге. Или в центральной душе? Джел, что там с душами у многомозглых?

— Не отвлекайся, — попросил ангел.

— Хорошо. Но если проблема не в центральном мозге, значит, где-то в периферийной сети. Причём, вероятнее всего, лишь в одном узле, который искажает всю проходящую через него информацию.

— И ты угадал в каком? — удивился Макар. — При шансах один к восьми? Да ты истинный джентльмен удачи! У нас на выпускном экзамене было два против четырёх, и то я чуть не обосрался!

— Не то, чтоб угадал, — ответил Николай. — Когда я увидел, как нападает Кракен, сразу вспомнил, как в академии нас учили распознавать будущих тиранов. Они не работают, не воюют, стоят в стороне, а другие их охраняют. У Кракена это проявилось очень наглядно, трудно было перепутать.

— Браво! — сказал ангел. — Вы отлично справились с первым заданием.

— А Кракен не будет мстить нам за потерянную конечность? — спросил Макар.

— Переживёт, — ответил Джел, — отрастит новую. Осьминоги мастера регенерации. Надеюсь, Кракен воспитает новый мозг правильно.

Он бросил беглый взгляд на табло с часами.

— И последний штрих. Надо быстро поднять это щупальце на борт и уходить отсюда. Часа через два здесь появится «Миротворец». Послы мира не должны нас увидеть. Справитесь?

— Попробуем найти, — ответил Николай.

Ангел удивлённо вскинул брови.

— Ты же пригвоздил его к обшивке, куда оно может деться?

Николай смутился, но взгляд не отвёл.

— Меня учили не бросать оружие.

— Мы его найдём, — пообещал Шаман.

Ангел покачал головой.

— Даже не пытайтесь. Это же чистая органика, её ни один прибор не засечёт. Скелета там нет, щупальце легко может раскататься в блин и забиться в сантиметровую щель. А ещё оно умеет менять цвет, сливааясь с поверхностью. Шансы у вас нулевые, даже с вашей удачей.

— А что не так с этим отростком? — спросил Макар, — щупальце ведь не может вырастить себе нового осьминога? Или всё-таки может?

Ангел посмотрел на него с удивлением.

— Это ты сейчас серьёзно или прикалываешься? Нарастить нового осьминога щупальце, конечно, не сможет. Но оно может несколько часов прожить автономно.

Конечно, без поддержки остальных нервных центров оно будет способно лишь на самую примитивную мыслительную деятельность. Но этого вполне хватит, чтобы выполнить программу, осуществить задуманное ранее.

— Да что оно может? — не поверил Макар. — У него ведь даже глаз нет!

— Зато у него есть десятки сверхчувствительных присосок, способных уловить малейшую вибрацию. Если «Миротворец» пройдёт вблизи от этого места, оно может всплыть, заползти на яхту и передушить всю команду.

— Неуловимый мститель! — прокомментировал Макар. — А мы что, не сможем его засечь? Это же военный корабль, здесь же чёртова куча всяких радаров, эхолотов и прочей армейской херни.

— Нас здесь вообще не должно быть, — ответил ангел. — Знаешь, что будет, если Марта выложит в своём блоге фотографию российского военного корабля? Я пообщался с этой активисткой и представляю, в каких выражениях она подаст такую новость. Эта бодипозитивщица готова въехать в топ на чём угодно, хоть на фонтане хтони. Она может взорвать регион не хуже Кракена.

— Хреново, — сказал Николай. — Значит, выбора у нас нет. Если мы не можем выследить эту гадину, придётся ждать её уже на яхте.

— Как ты себе это представляешь? — спросил Макар.

— Мы с Шаманом будем охранять Марту. Столько, сколько потребуется. Сколько времени щупальце может прожить автономно? Шесть часов? Восемь? Будем сидеть там до упора, пока оно гарантировано не сдохнет.

— Для начала вам надо попасть на яхту, — заметил Макар.

— А для этого у нас есть ты. Накопай всё, что можешь, про «Миротворец».

Чертежи, расположение кают, осадка. Всё, что может нам пригодиться.

Макар кивнул и принялся за работу. Через минуту на настенном экране появился чертёж «Миротворца» в трёх проекциях.

— Океанская яхта класса А, — прокомментировал Макар, — максимальная защита от непогоды. Идёт под парусами, но для экстренных случаев есть дизель. Винт глубоко под водой, достаточно далеко от кормы.

На экране появилась фотография яхты на фоне тропического острова. Девушка в бикини спускалась с кормы в прозрачную воду.

— Корма занижена, — продолжил Макар, — если хотите скрытно попасть на яхту, подходите сзади. Рубка управления закрытая, так что вас вряд ли заметят.

Изображение на экране сменилось, вместо фотографии девушки там появился план внутренних помещений яхты.

— На «Миротворце» четыре каюты. Марта в этой.

Курсор плавно двинулся от кормы и остановился в одной из кают.

— Спасибо, всё понятно, — сказал Николай, — я думаю, гадина попытается напасть этой ночью, пока у неё ещё остались силы. Если очень повезёт, сумеем её перехватить и уйти незаметно.

— Вы уж попытайтесь, — попросил ангел, — иначе проблем не обернётесь. Я летал туда на переговоры — там женская команда, причём все ярые феминистки. Ходят топлесс, и зрелище это... В общем, не для разворота «Плейбоя».

— Переживём, — пообещал Николай.

Джел кивнул, включил радио и скомандовал:

— Капитан, уходим.

Николай посмотрел на Шамана.

— Придётся ещё поработать. Пойдём на склад, выберем себе лучших оленей.

Принайтовав подводный буксировщик к металлической лестнице, Николай поднялся на корму «Миротворца» и остановился, поджидая Шамана. Когда тот встал рядом, Николай молча указал на палубу. Влажная дорожка слабо поблескивала в свете луны. Сняв акваланги, маски и ласты, друзья пошли по свежему следу. Цепочка мокрых

пятен тянулась вдоль коридора и пропадала под дверью каюты. Николай вспомнил слова ангела, что щупальце может раскататься в плоский блин и пролезть в любую щель. Похоже, именно это здесь и произошло. Николай осторожно приоткрыл дверь в каюту.

24

Марта сидела на кровати, окаменев от ужаса. Щупальце обвило её ногу и уже ползло вверх по бедру. В тишине было слышно лишь жуткое хлюпанье присосок. Одним прыжком Николай подскочил к кровати, оторвал щупальце от ноги девочки и отбросил его в тёмный коридор. Марта вздрогнула и уставилась на своего спасителя выпученными глазами.

— Что... Что это было?

— Это был сон, — шёпотом ответил Николай.

— Но оно... Оно ползло...

— Это тебе приснилось, — повторил Николай. — Насмотрелась хентаев с тентаклями, вот тебе ужасы и мерещатся.

— А оно не вернётся?

— Не вернётся. Ты ведь уже проснулась.

Николай растянул губы в безмятежной улыбке и посмотрел на испуганную девчонку, сжавшуюся в изголовье кровати. Розовая пижама была ей явно мала, пуговицы с трудом удерживали натянувшуюся ткань. В раскрывшихся просветах виднелись коричневые жировые складки. Марта шмыгала носом и нервно моргала, видимо, убеждая себя, что страшное щупальце ей привиделось. Это было нетрудно — слова незнакомца звучали логично, а пережитое ею было просто невозможно.

Ужас ушёл, уступив место страху. Знакомому страху, который прививали ей с самого детства. Взрослый белый мужчина — агрессор; надо кричать, жаловаться, звонить в полицию — не дожидаясь, когда он начнёт свой харассмент. Марта подтянула простыню к подбородку и спросила дрожащим голосом:

— А ты кто?

— Я? Просто турист. Наша яхта проплыла мимо, вот и решил зайти в гости. Моя дочка — твоя фанатка, хотел послать ей селфи с тобой. Разрешишь?

— Не трогай меня! — прошептала Марта. — Уходи сейчас же! А то закричу!

— Хорошо-хорошо, — попытался успокоить её Николай, — Уже ухожу.

Он попятился назад, ощупью протиснулся в дверь и закрыл её за собой.

Осмелевшая Марта тут же завизжала в голос.

— Насильник! Педофил! Тебе не уйти! Я тебя засужу! Ты знаешь, кто мой адвокат?!

— Ещё не женщина, а уже стерва, — покачал головой Шаман, — вот и спасай их после этого.

Он собрал в мешок последние куски щупальца, порубленного в мелкие пятаки, и спрятал мачете в ножны. Николай махнул рукой.

— Уходим.

Друзья поспешили на корму и уже через несколько минут покинули «Миротворец».

— Курс на север, — сказал Николай, — там нас подберут.

Взойдя на борт Катрана, Шаман вытряхнул на палубу содержимое своего мешка.

— Кто-нибудь хочет суши?

Макар поморщился.

— Мы не едим разумных.

— А что тогда делать с этим? — Шаман показал на рассыпавшиеся по палубе куски щупальца.

— Похорони его по морскому обычаю, — ответил ангел.

— Это как?

— Выкинь в море.

Шаман сгрёб обрубки в кучу и выбросил за борт.

— Прощай, мятежный дух! — сказал Макар.

25

Николай почувствовал, что выжат полностью; слишком долгими оказались последние сутки. Он добрёл до своей каюты, с трудом заставил себя раздеться и провалился в глубокий сон.

Проснулся он от удара. На автомате перехватил вновь замахнувшуюся руку и поразился, насколько она тонкая. Кузя сидела на нём верхом в позе «женщина сверху» и судорожно пыталась дотянуться до его лица. Николай ослабил хватку.

— Кузнецик, ты что? Я же мог тебе руку сломать.

— Сволочь! — прокричала Кузя сквозь слёзы, — Скотина! Ты меня бросил!

— Кузя, окстись! Мы тебя спасли!

— Я видела, как ты меня спасал! Я тебя звала, а ты сбежал! Поплыл в другую сторону! Трус!

— Так надо было, — попытался успокоить девушку Николай, — извини, я понимаю, как это выглядело...

— Выглядело?! — взвилась Кузя. — Да это так и было! Ты трусливо сбежал! Был бы ты настоящим мужиком, ты бы сначала помог мне!

Николай перехватил девушку за плечи и притянул к себе.

— Успокойся! Мы не в голливудском боевике! Если бы мы бросились спасать тебя, то сейчас все мы были бы мертвые. А через несколько дней хтонь прорвалась бы на Тайване, и тогда счёт жертв пошёл бы на миллионы. Но мы всё сделали правильно, и теперь все эти люди будут жить. И мы будем жить. Будем, Кузнецик!

Кузя прижалась к его груди, всхлипывая и что-то неразборчиво бормоча. Крепко обняла его за шею. Николай погладил волосы девушки и потянул вниз молнию на её комбезе. Кузя слегка подалась назад, чтоб не мешать ему.

Николай просунул руку под комбез и погладил голые плечи. Голые! Он же отлично помнил — когда Кузя раздевалась перед погружением, на ней был чёрный топик. Его рука скользнула вниз по животу девушки, и он убедился, что под комбезом на ней ничего нет.

Грубая ткань казалась чуждым наростом на нежной коже. Лишним обременением, от которого нужно поскорее избавиться. Николай начал стягивать комбез с плеч девушки. Кузя изогнулась, помогая ему. Выскользнула из камуфляжного кокона и прижалась к Николаю всем телом, обняла его руками и ногами. Её кожа была нежной и прохладной, прикосновения сводили с ума. Небольшая грудь легла в ладонь как в чашу, специально для неё приготовленную. Нежный сосок напрягся, уткнувшись в грубые мозоли.

Кузя упёрлась руками в грудь Николая, выпрямилась и тряхнула головой, откидывая волосы назад. Прекрасная всадница, нагая леди Годива. Уселись поудобнее, прохладными пальцами направив член Николая в нежное и горячее. И забилась в бешеной скачке. «По кочкам, по кочкам, по ухабам, по ухабам, в ямку — бух!»

26

В Элизиуме друзей встретили как героев. Месяц пролетел в праздности; Макар с Шаманом зависали в баре, Николай с Кузей продолжали познавать друг друга. По утрам команда собиралась на планёрке, а после весь день был в их распоряжении.

Но всё безмятежное рано или поздно кончается; к сожалению, чаще рано. На очередную планёрку Джел пришёл озабоченным. Не говоря ни слова, он включил проектор. На огромном настенном экране появилась оперативная карта мира. Много обширных розовых областей, несколько красных — Украина, Тайвань, Израиль. Тревожно мигало алое пятно в юго-восточной Европе — Сербия.

— Что это? — спросил Николай. — Прорыв?

— Нет, — ответил Джел, — это даже ещё не тревога. Что-то непонятное. Надо разобраться.

— Сканировали? — спросила Кузя.

Ангел кивнул.

— Естественно. Я вылетал туда. Но сумел почувствовать только фоновое нарастание напряжения. Ничего конкретного.

— Не катят ваши старые дедовские методы, — сказала Кузя, — нужны новые. Макар, твой выход. Посмотри новости по Сербии и Албании, может найдёшь что-то необычное.

Макар раскрыл ноутбук и погрузился в привычную виртуальную среду.

— Нет, ничего серьёзного. В зоопарке обезьяна выхватила телефон у посетителя и позвонила в службу спасения… Женщина избила мужа, приревновав его к самой себе. Не узнала себя на старых фотографиях и решила, что он связался с молодой девушкой… Косуля пыталась прорваться на пресс-конференцию… Мужчина сменил имя и сделал пластическую операцию, чтобы снова замутить с девушкой, которая его бросила… Угонщик сел в машину, хозяин которой спал на заднем сиденье. Когда пьяный хозяин проснулся, угонщик сказал ему, что он в такси. Хозяин назвал адрес и вышел у своего дома, а угонщик поехал дальше…

— Дичь какая-то, — сказал Николай, — а ты ничего не напутал с критериями поиска?

Макар пожал плечами.

— Но там действительно сейчас ничего серьёзного не происходит. Вот они и угорают над бытовыми косяками. Но по мне смех там какой-то нервный, веселье натянутое. Чувствуется за этим какое-то напряжение.

— А я ничего не чувствую, — возразил Николай, — обычные новости, такое в любой стране могло произойти. Поищи что-то более серьёзное.

— Ничего серьёзного, — повторил Макар, — полный штиль. Затишье, как перед бурей.

Он склонился над ноутбуком, прокручивая новостную ленту.

— Вот ещё забавная новость, правда, уже двухнедельной давности — в Приштине грабители перепутали ломбард с мorgом. Украли пятнадцать трупов.

— Стоп! — оборвал его Николай. — А вот это уже интересно. Что там дальше?

— Все похищенные — мужчины, младшему было шестнадцать, старшему семьдесят два. В сетях пишут, что это работа сатанистов. Они воруют трупы для своих дьявольских ритуалов.

— Фамилии жертв можешь найти?

— Попробую. Да, есть список. Но он какой-то подозрительный.

Макар вывел список на настенный экран и начал читать вслух:

— Замир Шеху, Лека Муса, Эгзон Хохха, Энвер Марку, Берим Елези, Дардан Цела, Эдон Рама…

— И что здесь не так? — спросила Кузя.

— Это как для нас Иван Петров, Пётр Иванов, Иван Сидоров… В жизни так не бывает. Не липнут самые распространённые имена к самым распространённым фамилиям. Список явно фальшивый, причём составлял его не албанец.

27

В начале знакомства Макар часто удивлял друзей обширными познаниями в самых разных областях. Но Николай быстро понял, что сам по себе Макар — заурядный самоучка без системного образования, без фундаментальных знаний. И что с того? Значения это не имело; в работе с командой Макар никогда не был просто «сам по себе». Группе нужен был другой Макар — гигант мысли, живая энциклопедия. Или, проще говоря, Макар с компом, подключённым к инету.

Вспомнив об этом, Николай не стал подвергать сомнению вывод Макара об албанских фамилиях. Просто принял его на веру — он уже не раз убеждался, что его друг почти никогда не ошибается.

— Видимо, список заменили, — сказал Николай, — попробуй поискать первоначальный вариант, возможно, он ещё где-то остался. В кэшах, или, может, кто-то скопипастил.

— Наверняка, — ответил Макар и снова склонился над клавиатурой.

Через несколько минут на экране появился второй список. Макар повернулся к друзьям.

— В инете ничего не пропадает! Вот что было и вот что стало. Кто-то уже подменил все документы.

— Хорошая работа, — похвалил Джел, — судя по всему, это и есть наши клиенты. Подозреваю, что именно с ними связана нынешняя пульсация хтони.

— Согласен, — кивнул Николай, — Макар, проверь, кто эти люди. Случайно ли они оказались вместе.

Но Макару не нужны были эти советы, он уже работал, перебирая варианты поиска. Друзья напряжённо ждали. Кузя вздрогнула, когда Макар откинулся на спинку кресла и воскликнул:

— Йо-хо-хо!

— Что такое? — спросил Джел.

— Пятнадцать мертвецов на плавучий сундук! — пропел Макар. — Йо-хо-хо! И бутылка рома!

— Кончай выёживаться, — попросил Николай, — говори, что там у тебя.

— Ничего особенного. Просто все эти трупы ожили, нанялись матросами на сухогруз «Тэресия» и сейчас благополучно плывут в Джексонвилл.

— Не может быть! — не поверила Кузя. — Проверь ещё раз.

Вместо ответа Макар вывел на экран список команды, отсортировал его по алфавиту и совместил со списком похищенных трупов.

— Все пятнадцать, один к одному, — сказал он Джелу, — похоже, вы недооценили албанских сатанистов.

Кузя ойкнула и прикрыла рот рукой. Вопросительно посмотрела на ангела.

— Они что, действительно их оживили? Разве такое возможно?

— Оживить мертвеца нельзя, — ответил Джел, — это потребовало бы глобального изменения реальности. В принципе, можно поднять труп, создать зомби. Но здесь и этого не было. Мы бы заметили изменения в сигнатуре колебаний хтони.

— Физически это невозможно, — уточнил Николай, — зато юридически — запросто. Бумага всё стерпит. Не важно, что они уже трупы. По документам они живее всех живых. И сейчас эти ожившие мертвецы плывут во Флориду на «Тэресию».

Джел похлопал в ладоши.

— Браво! Молодцы! Похоже, это действительно то, что мы ищем. Макар, посмотри, что известно про этот сухогруз.

Макар вывел на настенный экран фотографию корабля.

— Судно под флагом Нидерландов, порт приписки Роттердам, капитан Филипп ...

— Ван дер Декken, — перебила его Кузя.

28

Все непонимающие переглянулись.

— Кто? — спросил Макар.

— Филипп Ван дер Декken. Вы что, ещё не поняли? Это же «Летучий голландец»! Корабль мертвецов.

— Какой, к дьяволу, голландец! — перебил её Николай, — Это типичная провокация! Трупы сейчас, наверняка, в морозильной камере. На подходе к Джексонвиллу их вытащат и расставят по местам. Корабль войдёт в порт и взорвётся к чёртовой матери! Бинго! На борту обнаружат обугленные трупы албанцев и бесспорный сербский след. Письмо террориста невесте с подробным описанием готовящейся акции. Или паспорт полковника сербской армии. Да хоть сербский флаг; тем тупее доказательства, тем охотнее

в них поверят. Когда хтонь подходит к поверхности, фанатики готовы верить в любую чушь.

— Логично, — признал Джел. — Макар, продолжай.

— Капитан Филипп Мюллер, немец. Команда по документам албанская, но кто сейчас ведёт корабль, неизвестно. Видимо, набрали разный сброд. Перед Джексонвиллом их снимут с корабля...

— Скорее скинут, — вмешался Николай, — они слишком опасные свидетели.

— Согласен, — кивнул Джел.

— Но зачем всё это? — спросила Кузя. — Зачем кому-то взрывать мертвецов? Николай помрачнел, видимо, что-то вспомнив.

— Это гнусная история. Демонизация сербов идёт уже давно, на них в своё время навесили ярлык новых фашистов. И европейские обыватели поверили. А сейчас, видимо, уже подзабыли и кто-то хочет освежить им память.

— Но зачем? — повторила Кузя.

— Чтобы оправдать новые «гуманитарные бомбардировки», дестабилизацию региона, ограничения для европейцев — вплоть до военного положения. Выгодополучателей масса, а по-настоящему страдать будут только сербы. Но их обвинят во взрыве мирного судна, сиречь в терроризме. А террористов никому не жаль.

Кузя вскочила с места, её щеки покраснели, глаза заблестели. Она подошла к ангелу вплотную и нависла над ним.

— Джел, сука, если это не чистое зло, то что же тогда чистое зло?!

— Извини, — чуть слышно сказал ангел, — но это дела человеческие.

— А вы, такие чистые и безупречные, крышуете этих людоедов?!

Ангел опустил голову и ничего не ответил.

— Оставь его, — попросил Макар, — обойдёмся и без небесной поддержки. Обнародуем факты и остановим этот выброс. У нас же все доказательства на руках. Нам поверят.

Николай покачал головой.

— Не поверят. Когда хтонь так близко подходит к поверхности, мозг обывателя автоматически переходит в режим энергосохранения. Люди не только начинают верить в заведомую чушь, они ещё и перестают верить самым надёжным доказательствам.

— И что ты предлагаешь? — спросил Макар.

— А у нас много вариантов? — ответил Николай вопросом на вопрос. — Нам нужно попасть на «Тэресию».

— Всего-то! — воскликнул Макар. — И как ты себе это представляешь?

Николай посмотрел на Джела.

— Ты говорил, у вас есть свои люди во флоте.

— Есть, — ответил ангел, — а что надо?

— Десантируемый катер Ёрш. И самолёт для доставки.

— Надеюсь, найдём. Вечером скажу точно.

Кузя поморщилась.

— Опять в воду прыгать? Атлантика вообще-то холодная, это тебе не Тайвань.

Николай усмехнулся.

— Не замочишь ты свою пятую точку, успокойся. Катер сбрасывается вместе с экипажем.

Кузя испугано посмотрела на него.

— Сломаемся же...

— Там амортизирующие кресла, — успокоил её Николай. — И потом — ты знаешь, как в Элизиуме называют нашу команду?

— Как?

— Везунчики. Нас поцеловал Незримый Даймон, и потому мы можем не бояться таких мелочей, как прыжок с парашютом. А для надёжности — вот тебе и от меня. Контрольный в темечко.

Николай взял лицо Кузи в ладони, притянул к себе и поцеловал девушку в затылок.

29

Ёрш шёл навстречу «Тэресии» на скорости семь узлов. Сухогруз ещё не появился на горизонте, пока он был лишь зелёной точкой на экране радара.

— Входим в зону видимости, — сказал Николай.

— Ты уверен, что сумеешь обезвредить бомбу? — спросил Макар.

— Нет. И даже пытаться не буду.

Кузя удивлённо посмотрела на Макара.

— А ты у нас для чего? Ты же можешь найти любую схему.

— Могу. Но даже пытаться не буду. Слишком велика цена ошибки.

— Но ты же везунчик!

— Как и ты. Я могу найти несколько схем и несколько противоречивых инструкций. Твоей удачи хватит, чтобы выбрать правильную?

— Пожалуй, я пас, — ответила Кузя.

— Вот то-то и оно. Тогда какой у нас план?

Николай жестом указал на ряд пустых кресел.

— Мы эвакуируем всю команду. Часть разместим здесь, часть на буксируемом плоту.

— Если они ещё живы, — уточнил Джел.

— Да, если они ещё живы.

— И трупы из Приштины тоже надо взять, — вмешался Макар, — в качестве неопровергимых улик. Что бы Полкан ни говорил, а скандал поднять стоит.

— А потом? — спросила Кузя.

— Попытаемся изменить курс корабля, — ответил Николай, — чтобы увести его подальше от берега. Если не получится — сообщим береговой охране о заминированном судне. А потом пойдём к точке встречи, где нас подберут.

На горизонте показался тёмный силуэт «Тэресии». Безмолвный корабль с потушеными огнями выглядел зловещим.

— Проверьте ещё раз схему своего сектора, — попросил Николай.

Друзья достали смартфоны. В каждый был залит план корабля. Красными точками были отмечены места, где стоило искать членов команды в первую очередь — если они на вахте. Зелёными — где они могут быть, если отдыхают. План был разделён на пять секторов; команде предстояло разделиться, чтобы форсировать поиск.

Тем временем Ёрш подошёл к борту сухогруза. Никто не вышел встречать катер, и это было плохим знаком. Николай и Шаман стали молча раздвигать складную лестницу; даже Макар прикусил язык, проглотив очередную щутку об абордаже и бутылке рома.

Команда поднялась на борт сухогруза и сразу наткнулась на лужу крови. Кузя вздрогнула и схватила Николая за руку.

— Кажется, мы опоздали.

— План Б, — сказал Николай, — не разделяемся.

Команда обошла весь корабль. Картина везде была одной и той же — на рабочих местах лежали трупы из Приштины, живых нигде не было. Лишь лужи крови на полу и брызги на стенах.

— Пулевых отверстий нет, — сказал Николай, — их просто зарезали, как свиней. Работали профессионалы.

— А кто сейчас ведёт корабль? — спросила Кузя.

— Автоматика, — ответил Николай, — люди сегодня никому особо не нужны.

Друзья вошли в рубку и увидели последнего выжившего. Капитан стоял на мостике и кидал кости, играя с невидимым соперником.

— Филипп! — позвал Николай.

Капитан вздрогнул и обернулся.

— Филипп Мюллер!

Капитан посмотрел на вошедшего пустыми глазами.

— Меня зовут Филипп Ван дер Деккен.

30

Друзья переглянулись.

— Спятил, — сказал Макар.

Николай кивнул.

— Не удивительно. Команду должны были снять с корабля. Не из гуманности, конечно; чистый расчёт. Проще уничтожить людей, собрав их в одном месте, чем гоняться за каждым по всему судну. Но, видимо, что-то пошло не так. Кто-то почувствовал неладное, запаниковал — и началась бойня. Капитан просто хотел заработать по-лёгкому, а стал свидетелем настоящей хтони. Вот психика и не выдержала.

— А теперь он ведёт корабль мертвецов, — сказала Кузя. — Кем же ещё он может себя считать.

Ангел подошёл к капитану и заглянул ему в глаза.

— С кем вы играете, Филипп?

— С Рахавом.

Макар мгновенно подключил поисковик и шёпотом пояснил:

— Князь морей.

Джел строго посмотрел на него и снова обратился к капитану.

— А на что играете?

— На часть моей души.

— На какую часть? — спросил Джел.

— На одну шестьдесят четвёртую, — ответил Филипп, бросая кости.

Затем собрал их в стакан, снова бросил и сказал:

— А теперь на одну сто двадцать восьмую.

— Эк он ловко придумал! — восхитился Макар. — Потом будет одна двести пятьдесят шестая и тэдэ, и тэпэ. Этот Ахиллес никогда не догонит свою черепаху. Легенда права — так он может играть вечно.

— Не вечно, — поправил ангел, — только до Страшного Суда.

— Если душа неисчерпаема и бесконечно делима, то вечно, — возразил Макар, — а если она состоит из неделимых духовных квантов...

— Не богохульствуй! — строго сказал ангел.

— Доспорите дома, — оборвал их Николай, — у нас много дел. Макар, надо поменять курс. Эту бомбу нельзя везти на континент. Попробуй подключиться к корабельной сети и перехватить управление.

Макар встал у главного терминала.

— Тут и перехватывать ничего не надо, корабль готов выполнить любую команду.

Куда плывём?

— На север.

Макар сверился со своим ноутбуком и ввёл несколько команд на терминале.

— Готово! Что дальше?

— Надо перенести все трупы на катер. А потом открыть кингстоны и затопить корабль. Если его обнаружат в таком виде, это вызовет слишком эмоциональную реакцию. Разбираться никто не будет, во всём опять обвинят сербов. И тогда хтонь прорвётся наружу.

Николай оглядел притихших друзей и скомандовал:

— За работу! Начнём с машинного отделения.

— Не успеете, — раздался голос из угла рубки.

Все резко обернулись. На столе сидела чертовка, рядом с ней стояли большие песочные часы. Песок тонкой струйкой перетекал в нижний сосуд.

— Нечистый дух! — взревел ангел.

В его руке сверкнул огненный меч. Джел сделал шаг к Бестии, но Николай заступил ему дорогу.

— Не тронь её! Она друг!

— Она порождение инферно! — возразил ангел.

— И что? Она пришла сюда как друг.

Джел окинул команду пылающим взглядом. Именно пылающим, для ангела это не было метафорой.

— А вы что стоите?! Хотите предать наше дело?!

— Она симпатичная, — ответила Кузя, — не надо её обижать.

— Согласен, — поддержал подругу Макар, — я давно заметил, что ваша пропаганда постоянно демонизирует демонов. Причём пользуется при этом самыми мерзкими медийными приёмами.

Бестия постучала часами по столу, и все повернулись к ней.

— Вы что, не поняли? У вас нет времени на споры, вы должны немедленно покинуть судно. Иначе будет поздно.

— И ты ей веришь? — спросил ангел.

— Верю! — ответил Николай. — Шаман, берём капитана и уходим.

Они с двух сторон подхватили Филиппа под руки, но не смогли даже сдвинуть его с места. Капитан равнодушно посмотрел на них и покачал головой.

— Рахав меня не отпустит. Мы должны закончить игру.

31

Макар попытался помочь товарищам, но капитан как будто прирос к креслу.

— Чёрт с ним! — решил Николай. — Возвращаемся!

— Быстрей, быстрей! — поторопливалась Бестия.

Друзья вернулись на катер. Чертовка не отставала от Николая и продолжала командовать.

— Полный ход! Курс норд-вест!

Ёрш лёг на выбранный курс и начал набирать скорость. Друзья молчали, и только ангел всё никак не мог успокоиться.

— Кого мы слушаем?! Это же исчадье инферно! Она специально уводит нас от цели, чтобы сорвать наше задание!

Он ткнул пальцем в точку на экране радара.

— Ещё не поздно! Мы ещё можем вернуться!

— Нет! — отрезал Николай. — Песок ещё не кончился.

— Мы можем... — снова начал Джел, но Макар перебил его:

— Уже не можем.

Все посмотрели на экран. Точка исчезла. Последние песчинки упали в нижний сосуд. Кузя растерянно посмотрела на чертовку и спросила:

— Что это было? Куда делась «Тэресия»?

— Её засосало в воронку, — ответила Бестия.

— Какую воронку?

Чертовка пожала плечами.

— Не знаю. Может там подземные полости, а может подводные течения. Это же Бермудский треугольник, тут всё время кого-то куда-то засасывает. Может быть ваша «Тэресия» даже всплывёт где-нибудь через несколько лет, такие случаи бывали.

— А может это Рахав всё-таки выиграл душу Филиппа, — сказала Кузя.

— Фу! — фыркнула чертовка. — Такая большая девочка, а веришь в сказки!

Николай положил руку на плечо Бестии.

— Спасибо, подруга! Ты нас спасла.

— Обращайся, — ответила чертовка.
Она махнула когтистой лапой, шагнула за борт и исчезла.

— А ведь она действительно нас спасла, — удивлённо сказала Кузя, — получается, она играет на стороне добра?

— Она не может быть на нашей стороне, — возразил ангел, — она же из инферно. Все посмотрели на Николая, и ему пришлось ответить.

— Я и не говорил, что она за добро. Она против нарушения равновесия. Любой прорыв хтони ей как крест в горле.

Вечером Кузя пришла в комнату Николая. Он привычно потянулся к молнии на её комбезе, но девушка отстранила его руку.

— У тебя что-то было с этой чертовкой?

Николай поперхнулся от неожиданности.

— Кузя, ты в своём уме? Бестия нас спасла, ты не забыла?

— Речь не об этом. Так было или нет?

— Не было, конечно. Да ничего и не могло быть. У неё даже нет половых признаков — ни первичных, ни вторичных.

— А ты откуда знаешь? Ты что, искал их?

— Нет, она сама сказала.

— То есть ты интересовался?

— Да нет же, просто сказала.

— Вот так просто? В застольном разговоре? «Что-то птицы низко летают, видать, к дождю. А кстати, у меня нет вторичных половых признаков». Так, что ли?

— Кузя, это глупо. Я же не ревную тебя к Джелу.

Девушка улыбнулась и, кажется, наконец расслабилась.

— Совсем-совсем не ревнешь?

— А должен? У него же нет пола.

— Зато персты у него тонкие-тонкие, — мечтательно сказала Кузя.

— Что?! — Николай вскочил с места.

— Дурак! — Кузя толкнула его в грудь, опрокидывая на кровать. — Шучу, конечно. И сама расстегнула свою молнию.

32

Друзья ждали ангела в конференц-зале. Джел, обычно такой пунктуальный, этим утром где-то задерживался.

— Может он бреется, — предположил Николай.

— Или ноги бреет, — подхватил Макар.

— Шутники! — укоризненно сказала Кузя. — Ангелы не тратят время на личную гигиену. Если Джел задерживается, значит, случилось что-то плохое. Или вот-вот должно случиться.

Макар встал и подошёл к проектору.

— Зачем гадать? Давайте посмотрим прогноз.

Он вывел на экран оперативную карту мира. Красная область на Ближнем Востоке едва заметно пульсировала.

— Опять у Израиля с Палестиной какие-то тёрки, — сказал Николай, — Макар, посмотри новости, что там у них.

Макар открыл новостную ленту и прочитал:

— «Палестина и Израиль обменялись ракетными ударами».

— Это даже не новость, — сказал Николай, — это у них обычная практика. Хтонь-то почему запульсировала?

— Видимо, от нестыковки намерений с результатами.

Кузя недовольно поморщилась.

— Ты можешь говорить нормально?

— Палестинцы стреляли по городу, евреи по казарме. В результате с одной стороны убит израильский солдат, с другой — палестинская женщина и ребёнок. Сейчас по всей автономии идут стихийные митинги, люди готовы идти в бой, рвать врагов голыми руками. Линию разграничения заняли голубые каски — а это говорит о том, что положение расценивают как чрезвычайное.

Макар полистал новостную ленту и продолжил:

— Пишут, что убитая женщина была беременна, что она прекрасная мать. Что убитый мальчик любил рисовать. Все каналы заполнены их фотографиями — до и после. А про солдата, напротив, пишут, что ранее он привлекался за превышение полномочий. Ситуацию явно нагнетают. Кому-то это выгодно.

— Понятно, — сказал Николай, — но вряд ли это нас касается. Голубые каски справляются с проблемой, их именно к этому и готовили.

В конференц-зал вошёл Джел, кивком поздоровался со всеми и встал у карты.

— Вынужден вас огорчить. К тому, с чем могут встретиться голубые каски, их точно не готовили.

— Да ладно! — не поверил Макар. — Кто им что сделает? У палестинцев нет таких возможностей, у евреев нет таких намерений.

— Дело не в людях, — ответил ангел, — с людьми там бы и без вас разобрались.

— А в чём же? — не унимался Макар. — Азазель вышел из горы мрака? Или Сет?

— Так, всё! — оборвал его Николай. — Шутки в сторону. Давайте послушаем Джела; дело, кажется, серьёзное.

Ангел кивком поблагодарил его и продолжил:

— Израиль давно озабочен защитой своих границ. Для решения этой проблемы была создана секретная лаборатория, в которую собрали лучших учёных и инженеров. Они разработали универсальный боевой дрон «Защитник», настоящее чудо военной техники. Технология невидимости делает его практически неуязвимым, а мощный аккумулятор и возможность подзарядки от солнечных батарей может обеспечить автономную работу в течение нескольких дней. Боевая нагрузка тоже на высоте — дрон несёт на борту пулемёт и несколько бомб. Но главная его особенность — нейросеть, способная различать визуальные образы. И программное обеспечение, в котором чётко прописано — убивать любого вооружённого человека, вошедшего в приграничную зону, если он не идентифицирован как израильский военный.

Джел вывел на экран фотографию боевого дрона.

— Не хило! — восхитился Макар.

— Вот именно, — подтвердил ангел, — «не хило». Как раз сейчас прототип «Защитника» проходит полевые испытания. Сегодня дрон патрулирует территориальные воды, но уже завтра он появится на границе с автономией.

Кузя побледнела и вцепилась в руку Николая.

— Но там же сейчас голубые каски!

33

Ангел обвёл друзей долгим взглядом.

— Понимаете, к чему это может привести?

— Дрон будет отстреливать голубокасочных? — спросил Макар.

— Именно. А это сразу поднимет уровень конфликта с регионального до международного. Хтоны прорвётся и весь ближний восток запылает.

— Так в чём дело? — спросил Николай. — Пусть эти гении отзовут своего убийцу. Вернут на базу и доработают.

— В этом-то и проблема, — ответил ангел. — Они не могут найти пароль доступа. А главный разработчик лежит в госпитале после обширного инсульта. Ни говорить, ни писать он пока не может. Так что «Защитник» работает в автономном режиме и будет делать то, что прописано в его программе.

— Пусть тогда собьют его к чёртовой матери, если не могут вернуть, — предложил Николай.

— Они не только не могут им управлять, — ответил ангел, — они не могут даже его найти. Таким его сделали — дрон-невидимка должен появляться из ниоткуда и уходить в никуда. Можно сказать, что разработчики пали жертвой собственного совершенства.

— И какой у нас план? — спросила Кузя.

— Мы летим в Израиль, — ответил ангел, — попробуем разговорить руководителя проекта. Все нужные документы я уже получил. Сбор здесь через полчаса.

В самолёте Джел раскрыл папку и пустил по рукам фотографию пожилого мужчины. Худое лицо, глубокие залысины, запавшие глаза.

— Бен-Цион Раснер, — прочитал ангел первую страницу досье, — в девичестве Вениамина. Программист. Закончил матмех Петербургского университета, работал в КБ Юревича.

— Где? — спросил Николай.

— В «НИИ Робототехники». В начале девяностых эмигрировал в Израиль, натурализовался, стал Бен-Ционом. Поступил на работу в лабораторию автоматики и телемеханики, в две тысячи четвёртом стал её руководителем. Лично вёл проект «Защитник».

Кузя передала Шаману фотографию Раснера.

— С виду серьёзный мужчина. Не понимаю, как он мог так облажаться?

— Это не его косяк, — ответил Джел, — яйцеголовые так не лажают. Зато военные — запросто. Лаборатория каждый квартал посыпает в министерство обороны отчёт о проделанной работе. В последнем было написано, что все боевые программы «Защитника» полностью отлажены и протестираны на всех возможных симуляторах. Идёт работа по подготовке комплекта пользовательской документации. Вот кто-то в министерстве и захотел отличиться — приказал немедленно отправить «Защитника» на полевые испытания. Пароль доступа не успели сменить, а сеанс связи закрыли, пустив дрон в автономный полёт.

— Это они зря, — сказал Макар.

— Конечно, зря, — согласился ангел, — но они же военные. Им приказали проверить автономный режим, вот они и закрыли сеанс. Потом в лаборатории спохватились — при отладке программисты обычно используют пароли короткие и легко запоминающиеся, то есть крайне ненадёжные. Захотели сменить пароль на боевой, сгенерированный случайным образом. И тут выяснилось, что пароль доступа знает только Раснер. Но он к тому времени уже лежал в госпитале с инсультом. А невидимый убийца уже вышел на боевое патрулирование.

— Подобрать пробовали? — спросил Макар.

— И не пытались. Они же не только пароля не знают, им вообще неизвестно, какие настройки защиты установил Раснер. Никто не знает даже количество символов в пароле, а главное — количество неверных попыток ввода, после которых связь заблокируется. И естественно, никто не хочет проверять это опытным путём.

— Засада, — сказал Макар.

— Как всегда, — согласился Николай.

34

Раснер лежал на больничной койке, глаза его были закрыты. Бледное лицо осунулось, впалые щеки покрылись щетиной. Джел подошёл к кровати и встал рядом с капельницей.

— Бен-Цион!

Раснер не шевельнулся. Кузя села на стул у кровати и негромко позвала:

— Веня! Веня!

Больной открыл глаза и промычал что-то неразборчивое. На его лице отразилось отчаяние, он попробовал ещё раз сказать что-то, но не смог и бессильно закрыл глаза.

Ангел вывел друзей в больничный коридор.

— Он пытается. Он очень хочет сказать что-то важное, но боится, что не сможет. И чем больше он боится, тем труднее ему говорить, тем хуже у него это получается.

— Это порочный круг, — сказал Шаман.

— Это антиципированная тревога, — сказала Кузя.

— Это положительная обратная связь, — сказал Макар.

Джел укоризненно посмотрел на друзей.

— Диагнозы ставить все мастера. А конкретно-то что делать? Есть предложения?

Он посмотрел на Макара.

— Что там надо сделать с твоей обратной связью?

— Надо уменьшить коэффициент усиления в петле положительной обратной связи,

— ответил Макар.

Джел всплеснул руками.

— Вот ответ истинного кодера! Абсолютно верный и совершенно бесполезный. А ты, Кузя, что говорила про тревогу?

— Вениамин не должен думать о том, как он будет говорить. Он должен думать только о том, что именно он хочет сказать.

— Тоже бесценный совет. Заодно уговорим его не думать о белой обезьяне с красным задом. Полкан, а ты что думаешь?

— Я думаю, что здесь нам больше ждать нечего. Макар, тебе придётся хакнуть «Защитника».

— Как?! — возмутился Макар. — Методом тыка?! Тут целая лаборатория сутки боится к этому подойти. А у меня информации даже меньше, чем у них.

— Зато у тебя есть удача, которой у них нет, — сказал Николай. — При использовании метода тыка это решающее преимущество.

— Вот сам и тыкайся! — огрызнулся Макар, — у тебя самого удачи не меньше.

— Брейк! — скомандовал ангел. — Остыли оба! Макар, тебе всё же придётся это сделать. Через несколько часов «Защитник» выйдет на линию разграничения.

— А если я облажаюсь? — спросил Макар.

— Хуже уже всё равно не будет, — ответил Джел. — Когда дрон заметит голубые каски, не будет разницы, заблокировано управление или просто недоступно.

Макар на минуту задумался.

— Я знаю, какие пароли обычно используют при отладке. Но их не так мало. А главная проблема — никто не знает, какое количество попыток у нас будет. Это хуже, чем русская рулетка; там хоть с вероятностями всё было ясно.

— И всё же тебе придётся попробовать, — повторил ангел. — Едем в лабораторию, нам обещали предоставить канал связи с дроном.

— Как у тебя это получилось? — Николай не мог скрыть удивления.

— У нас есть друзья и среди иудеев, — скромно ответил ангел.

Друзья сели в машину и Джел повёз их в лабораторию.

— Не представляю, как к этому подступиться, — пожаловался Макар, — даже мысли ни одной нет.

— А у меня есть, — сказала Кузя.

35

Все удивлённо посмотрели на подругу.

— Откуда? — спросил Николай, — Ты же гуманитарий до мозга костей, что ты можешь об этом знать?

— Зато вы все такие продвинутые, — ответила Кузя. — Непобедимые супермачо. Но сидите и ноете, вместо того чтобы действовать. Неужели эта история вам ничего не напоминает?

— Какая история? — не понял Николай.

— Эта самая. Великий мастер изготовил устройство из мёртвой материи, призванное защищать евреев. Затем вложил в него носитель с кодом, и робот начал действовать. Какое-то время он исправно убивал врагов, согласно заложенной в него программе. Но потом вышел из повиновения и стал действовать автономно. В итоге мастеру пришлось изъять код и уничтожить своё творение.

Кузя замолчала и оглядела всех по очереди.

— Что? Неужели никто не догадался?

— Говори уже, не томи, — попросил Николай, — времени у нас не так много.

— Голем, — сказала Кузя.

Макар тут же зашёл в поисковик и прочитал:

— В конце шестнадцатого века пражские евреи постоянно подвергались преследованиям и обвинениям в кровавом навете. И тогда для защиты своих единоверцев Раби Йеуда Лива бен Бецалель, Махараль ми-Праг создал голема, человека из глины. Махараль вложил ему в рот свиток, на котором был начертан шем — и голем ожил. Он начал убивать активных антисемитов и стал настоящим ужасом Праги. Но вскоре голем вышел из повиновения и начал убивать невиновных. Тогда Махараль вынул свиток из его рта и голем рассыпался в прах.

— А что, действительно похоже, — сказал Николай. — Шем, как я понимаю, это и есть программный код?

— Шем — это пароль, — ответила Кузя.

— Осталось только понять, что такое шем, — сказал Макар.

Кузя пожала плечами.

— Тут и понимать нечего. Это тетраграмматон.

— Что? — не понял Макар.

— Четыре буквы. Непроизносимое имя Бога.

Макар снова уставился в экран телефона.

— Нашёл! Йуд-Хей-Вав-Хей. Похоже, наше дело не такое уж безнадёжное.

— Нам повезло, что с нами Кузя! — сказал Шаман.

— Конечно, повезло, — согласился ангел. — Вы ведь везунчики, не забыли?

В лабораторию друзья вошли почти бегом. Но всё оказалось не так просто — раскладка клавиатуры Раснеровского компьютера была русско-английской.

— Эх, Венька, Венька, — сочувственно сказал Николай, — так и не смог ты натурализироваться на чужой земле.

Макар заглянул в поисковик.

— На латинице есть три варианта тетраграмматона. А с учётом регистров...

— Регистры не надо учитывать, — перебила его Кузя, — все буквы должны быть заглавными. Это же имя Бога.

— Значит, три варианта, — сказал Макар. — Возможно, у нас и будет всего три попытки. С первого раза все иногда вводят пароль неправильно, а бывает и со второго. Но с третьего — уже вряд ли. У нас неплохие шансы — если, конечно, аналогия с големом верна.

— Других вариантов у нас всё равно нет, — сказал Николай, — так что работай.

Макар сел за клавиатуру, открыл окно авторизации и ввёл пароль: «IHVH». Отказ в доступе. «YHWH». И снова отказ. Макар вопросительно посмотрел на Кузю. Та молча кивнула. И Макар ввёл «JHWH».

Сеанс открылся. Лаборатория радостно загудела, сотрудники столпились за креслом Макара. На одном из экранов появилось изображение с камеры дрона — вдалеке уже виднелся джип с голубыми касками.

— Уводи его! Срочно! — закричал Николай. — Утопи его в море!

— У «Защитника» есть режим самоуничтожения, — подсказал какой-то сотрудник, ткнув пальцем в экран, — вот здесь.

Макар выбрал режим и с силой жахнул по клавише «Enter». Изображение с камеры вспыхнуло и погасло. Показатели, отображаемые на других экранах, обнулились.

— Вот и всё, — сказала Кузя. — Голем рассыпался в прах.

36

Николая разбудил сигнал тревоги. Он торопливо натянул футболку и джинсы, надел кроссовки, достал из сейфа глок в наплечной кобуре и запасную обойму. Вбежал в конференц-зал, на миг опередив Шамана. Через минуту подтянулись и остальные. Все, как зачарованные, уставились в экран, на котором полыхала Украина. Джел не стал ничего говорить, просто махнул рукой в сторону двери.

— Выходим! Времени на сборы нет.

Объяснился он лишь после взлёта.

— Всё очень плохо. Наши аналитики пропустили первый прорыв. Пока что хтонь просачивается на поверхность тонкой струйкой, но в любой момент она может прорваться сплошным потоком.

— Где? — спросил Макар.

— В Одессе. Сейчас там готовится массовое огненное жертвоприношение. А у нас даже нет прямого окна туда. Мы приземлимся в Севастополе, оттуда на катере.

Контрабандой, без документов и без прикрытия.

— Мы так сильно опаздываем? — спросил Макар.

Ангел кивнул.

— У нас один шанс из тысячи.

— Если есть шанс — будем работать, — сказал Николай.

Друзья высадились на пустынном берегу, дошли до шоссе и поймали попутку. Всю дорогу молчали. Водитель довёз их до окраины Одессы, там они нашли каршеринговый Форд. Ангел сел за руль и включил навигатор.

— Поехали!

У входа в Дом Профсоюзов уже бесновалась толпа.

— Здесь нам не пройти, — сказал Джел, — попробуем подъехать с другой стороны.

Он повернул руль и поехал мимо молодчиков, пьяных от предвкушения крови.

Каратели поигрывали битами и цепями, готовясь к любимой забаве — избиению безоружных.

— Смотрите! — Кузя показала на девушек, разливавших по бутылкам коктейль Молотова.

Нижняя губа у неё задрожала, на глазах выступили слёзы.

— Они же ещё совсем юные! Как они потом с этим жить будут?!

— Хтонь никого не щадит, — ответил ангел, не оборачиваясь, — а молодых ей ещё легче сломать.

Кузя закрыла лицо руками.

— Господи! Что же будет с этой страной!

— Мы её спасём, — ответил Джел, — если сумеем остановить эту бойню.

— А если не успеем?

Ангел не ответил. Всё было ясно и без слов.

Он объехал Дом Профсоюзов и припарковал Форд на ближайшей улице. Друзья подошли к глухой стене и Джел указал на узкое подвальное окно:

— Войдём здесь.

Николай выбил раму и полез первым, остальные поспешили за ним. Ангел включил фонарик и пошёл вперёд. Рассеянный луч выхватывал из темноты лишь несколько метров, дальше была неизвестность. Идти приходилось медленно, почти наощупь.

Внезапно Джел остановился и замер. Впереди появился жуткий силуэт — кто-то плотный, коренастый, со слоноподобными ногами.

— Вий! — восхликал ангел.

— Джелиэль! — проревел демон.

Джел поднял огненный меч, но опоздал. Вий взмахнул огненным бичом и рассёк ангела от плеча до паха. Тот покачнулся и рассыпался потоком медленно затухающих серебристых искр. Кузя отпрянула, зажимая рот рукой.

— Они убили Джела! Да как же так?! Убили ангела!

37

Николай выхватил глок из кобуры и выпустил в Вия всю обойму. В сердце, в горло, в живот, в пах — искал уязвимые места. И не находил — пули отскакивали от шкуры демона. Два выстрела по морщинистым векам, свисающим почти до подбородка — с тем же результатом. И последняя пуля в лоб, уже без особой надежды — на лобную кость природа обычно не жалеет кальция.

Веки Вия дрогнули, но не смогли подняться. Морщины над кустистыми бровями неестественно растянулись. Николай застыл, не в силах пошевелиться — из середины лба на него смотрел немигающий глаз в кровавых прожилках. Казалось, он высасывает волю к жизни, способность двигаться и сопротивляться. Вий поднял левую руку и указал на Николая.

— Ты следующий!

Огненный бич взметнулся вверх. В последний момент из темноты выскочила чертовка и толкнула Николая в узкий боковой проход.

— Быстрее! За мной!

Гипнотический морок рассеялся. Друзья побежали за Бестией. Света фонариков едва хватало, чтобы осветить несколько метров перед собой; в выборе направления все полностью положились на чертовку.

Позади гремели удары огненного бича. Подвал наполнился едким дымом.

— Опоздали! — простонал Макар.

Кашляя и задыхаясь, друзья выползли из подвального окна. Поддерживая друг друга, кое-как добрали до машины. Дом Профсоюзов пылал. Миссия была провалена, хтонь прорвалась.

Выехав за город, Николай свернул на грунтовку и остановил машину в безлюдном месте. По обеим сторонам дороги лежали зеленеющие поля, по голубому небу неспешно проплывали редкие облака. Мир казался уютным и безмятежным, как будто и не было сегодняшней трагедии. Друзья вышли на обочину.

— Что же теперь будет? — спросил Макар. — Что будет с моей страной?

Голос его срывался, в глазах стояли слёзы. Отвечать никто не стал — слишком жестоко прозвучал бы ответ. Кузя подошла и молча обняла друга. Несколько минут они стояли неподвижно.

— Макар! — попросил Николай. — Посмотри в сети, что там с Домом Профсоюзов.

Макар молча кивнул, вернулся в машину и раскрыл ноутбук.

— Чёртова хтонь! Она всё-таки прорвалась! Сорок два человека убиты, сожжены заживо. А тех, кто сумел выпрыгнуть из окон, забили насмерть. Как будто каратели получили приказ — в живых никого не оставлять. Подъехавшие пожарные машины не пропускали к зданию, пока оно не додорело. Поверить не могу... Но в сеть уже начали выкладывать ролики, там настоящий ад.

— Что же это за люди?! — не сдержалась Кузя. — Откуда в них это?!

— Они не такие, — неуверенно сказал Макар, — это хтонь на них так действует. Они просто не могут сопротивляться.

— Выбор есть у всех, — возразила Бестия. — Хтонь не всесильна, что бы вам Джел ни говорил. Хтонь не порождает тьму в душах, она только высвобождает то, что там уже есть.

Кузя вытерла слёзы и подошла к Николаю.

— Полкан, я больше не выдержу. Нам надо вернуться в Элизиум.

Николай криво усмехнулся.

— А нас там ждут?

— В смысле?

— Мы же обычные люди, без особых талантов, — пояснил Николай, — Элизиуму мы были нужны только как везунчики. Но наше везение закончилось — хоть в этом у тебя нет сомнений? А без нашей удачи мы никому не интересны.

— Видимо, тут тоже действует закон равновесия, — сказал Шаман.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Кузя.

— Я, кажется, понимаю, — ответил Николай, — удача подобна пружине или маятнику — в норме она колеблется вокруг срединной точки. Белая полоса — чёрная полоса, белая полоса — чёрная полоса. А мы всю жизнь оттягивали свои пружинки в одну сторону. По чуть-чуть, по миллиметру — но всегда в одном направлении. Естественно, в какой-то момент маятник должен был качнуться назад, пройти точку равновесия и уйти в другую сторону.

— В самый неподходящий момент, — уточнил Шаман.

— Да, — согласился Николай, — в самый неподходящий. А когда было иначе?

38

Несколько минут все молчали.

— И всё-таки надо вернуться, — повторила Кузя, — в Элизиуме нам скажут, что делать дальше.

— Нет! — возразила Бестия. — Вам нельзя уходить. Вам надо валить Вия, это ваша задача.

— Мы не сможем, — сказал Шаман, — он слишком силён.

— В том-то и дело! — воскликнула Бестия. — Слишком! Он слишком резко нарушил равновесие, а это всегда приводит к кровавым эксцессам. Поэтому вы и должны его остановить.

Николай в сомнении покачал головой.

— Без подготовки у нас нет шансов. Он практически неуязвим.

— Вы не понимаете! — сказала чертовка. — Вий — это южнорусский псевдоним Афириры, демона выжженной земли. Если сейчас вы его не остановите, он пройдёт по Украине огненным смерчом. В каждом городе будут сжигать людей заживо, в каждом он устроит такое же огненное жертвоприношение. Вы не можете бросить всё и уйти!

Глаза Макара расширились от ужаса. Он схватил Николая за руку и торопливо заговорил, глотая слова:

— Полкан, нам нельзя уходить... Мы должны...

— Мы не уйдём, — успокоил его Николай.

Потом повернулся к чертовке.

— Я расстрелял по нему всю обойму. В грудь, в лоб, в пах, по векам. И всё напрасно; похоже, у него нет уязвимых мест.

— Я знаю, — ответила Бестия. — Перед выходом из инферно Вий хорошо подготовился. Он заговорён от стали и свинца.

Слова чертовки никого не поразили — все видели, чем закончилась стрельба в подвале.

— И чем же тогда его валить? — спросил Шаман. — Деревом? Костью? Или голыми руками?

— От дерева Вий, конечно, не заговорён, — ответила чертовка, — но у него и без заговоров шкура дублёная, колом не пробьёшь. А вот бронзу можно попробовать. Я, кстати, уже присмотрела одну вещицу в Одесском археологическом музее. Знаменитый меч цзянь. По легенде он выкован великим колдуном Чи Ю на горе Гэлушань.

— Сомневаюсь, — сказал Николай, — бронза всё-таки слишком мягкий металл.

— Но не китайская, — возразила Бестия, — на олове там не экономили.

— И потом, — продолжил Николай, — он же древний, как деръмо мамонта.

Взмахнёшь — и рассыплется.

— Только не этот. Сейчас там выставлена очень достоверная копия. Искусственно состаренная, конечно — но лишь по внешнему виду. А по составу — один к одному. Идеальный вариант.

— А где же тогда оригинал? — спросила Кузя.

— Всё уже украдено до нас! — ответила чертовка. — Настоящий меч сейчас лежит в квартире Олейника, сотрудника отдела фондов. Обычный воришко давно бы его сбыл, но оstellenённый научный сотрудник знает настоящую цену реликвии. Вот он и не торопится, ищет солидного покупателя.

Николай поморщился, идея чертовки ему явно не нравилась.

— Ну, допустим, завладеем мы этим мечом. Как я понимаю, его эффективность весьма сомнительна, а попытка у нас будет только одна. Ты считаешь, что это хорошая идея? Может быть, у тебя уже есть план?

— Нет, — призналась Бестия, — но давай не будем забегать вперёд. Будем решать проблемы по мере поступления. Сейчас нам нужен бронзовый меч, сосредоточимся на этом.

39

После недолгого раздумья Николай согласился с чертовкой — других идей всё равно ни у кого не было.

— Макар, — сказал он, — дело за тобой. Одесский археологический. Планы помещений, охрана, электропитание, сигнализация — ищи всё, что может нам пригодиться. Плюс видеоролики, по ним многое можно понять.

— Плёвое дело, — сказала чертовка, — войти и выйти. Справитесь и без своей хвалёной удачи.

Макар на миг оторвался от экрана.

— С «войти» как раз могут быть проблемы. Лучше зайти, как посетители, под закрытие. И уйти с мечом. Электричество я отключу во всём квартале. Но сигнализация сработает, так что действовать надо оперативно.

— А что с охраной? — спросил Николай.

— Трое на входе. Их надо обездвижить прежде всего. Потом брать меч. Когда включится сигнализация, прибегут ещё двое из центра наблюдения. Постарайтесь уйти раньше, чем они вас увидят.

— Лица надо прятать?

— Не заморачивайтесь. Управление серверами я перехватил, камеры уже не работают на запись, только на отображение. А в нужный момент и на отображение будут работать не только все, как говорит один нынешний мэр.

Николай с уважением посмотрел на товарища.

— Я, пожалуй, немного перегнул, когда сказал, что мы команда без особых талантов. Кое-что мы умеем и сами, Фортуна может отдохнуть. Макар, если ты готов, то нет смысла тянуть. Кузя, Шаман! Садитесь в машину, едем в археологический.

По дороге друзья успели дважды обговорить все детали предстоящей акции. Николай припарковал Форд на соседней улице, в трёхстах метрах от входа в музей. Макар остался в машине, остальные пошли в кассу покупать билеты. Потом не спеша осмотрели экспозицию, прочитали сопроводительный текст про славную историю мечей цзянь.

Когда прозвенел звонок, Шаман неторопливо двинулся к выходу. Николай и Кузя остались в китайском зале, делая вид, что фотографируют на телефон бронзовые вазы. Отключение света послужило сигналом к началу операции. Шаман без особого труда уложил ничего не подозревающих охранников на входе и закрыл дверь музея изнутри. Николай разбил витрину рукояткой пистолета и достал меч.

— Бежим! — крикнул он Кузе.

Они помчались к выходу по опустевшим залам музея. У дверей Николай задержался и оглядел оглушённых охранников. Двое лежали без сознания, третий пытался

сесть, но это у него не особо получалось. Николай наклонился над ним и поднёс меч к его лицу.

— Видишь это?

Охранник испуганно закивал.

— Ищите его в квартире Олейника. Понял? Повтори.

— В квартире Олейника, — послушно повторил охранник.

— Не перепутай! — сказал Николай, пряча меч в сумку.

Друзья вышли на улицу и сели в машину.

— Ну, ты даёшь! — восхищённо воскликнул Шаман. — Получается, что мы не украли экспонат, а наоборот, вернули его музею!

— Получается так, — согласился Николай, — только не знаю, надолго ли. Похоже, тут метут всё, что к полу не приклоcheno.

40

Взрывчатку Николай купил на Привозе, продавец даже не шифровался. Там же приобрёл и две обоймы к глоку.

— Украина уже не та, — мрачно сказал Макар.

Дальше пошли простые покупки — аккумуляторный перфоратор, стальной трос, противошумные строительные наушники, пассатижи, разводной ключ, болты и прочая мелочёвка по списку Бестии. Кузя зашла в аптеку и купила два набора первой помощи. Друзья сложили покупки в багажник Форда и поехали за город, подальше от людских глаз.

Остановились у небольшой абрикосовой рощи. Макар взял у Николая нож и скрылся за деревьями. Через несколько минут он вернулся со свежесрезанным остро заточенным колом.

— Зачем тебе кол? — спросила Кузя, — Вий же не вампир.

— Он циклоп, — ответил Макар, — а с циклопом это однажды сработало; я читал.

Николай хотел возразить, но взглянул на Макара и передумал. Просто кивнул:

— Ладно, пусть будет.

Он разложил покупки на заднем сидении автомобиля и долго смотрел на них, пытаясь понять план Бестии. В голову ничего не приходило, и Николай с досадой захлопнул заднюю дверь.

— Ну и зачем нам всё это? Что ёщё придумала наша мохнатая стратегия?

— Она вообще-то тебе жизнь спасла, — напомнил Макар, — и даже дважды. Она твой ангел-хранитель.

— Демон-хранитель, — поправил Шаман.

— Какой ёщё хранитель! — возмутилась Кузя. — Бестия типичный суккуб!

Николай не смог сдержать вырвавшийся смешок.

— Кузнечик, ты что, ревнуешь? Я же тебе сто раз говорил, что у чертовки нет пола. Кузя презрительно фыркнула.

— Какие же вы в России всё-таки отсталые. Нет пола! Бестия — суккуб не по половому, а по гендерному признаку.

Тут уже не выдержали все мужчины. Николай даже согнулся от смеха. Кузя обиженно отвернулась.

— Над чем смеёшься? — спросила неожиданно подошедшая чертовка.

— Кузя ревнует, — коротко ответил Шаман.

Бестия презрительно хмыкнула.

— В вашем Элизиуме всё делается через междуножие! Наберут в одну команду разнополых рекрутов, а потом удивляются, откуда там африканские страсти. Помню, зашла я как-то на огонёк к другу Вильяму, и он рассказал мне про одного мавра...

— Кончай трепаться, — попросил Николай, — давай ближе к делу. Где мы должны встретить цель?

Чертовка стёрла с морды ухмылку и снова стала серьёзной и сосредоточенной.

— Ещё два-три дня Вий будет бродить по Дому Профсоюзов. По тем комнатам, где умирали люди. Он подпитывается остаточным ужасом и не уйдёт, пока не выпьет всё до дна. Его маршрут... Макар, покажи план третьего этажа.

Макар кивнул, нашёл нужный план и развернул ноутбук экраном к друзьям.

— Вий ходит здесь, — продолжила чертовка, водя чёрным когтем по экрану, — а мы будем ждать его здесь.

Она показала на один из прямоугольников, неотличимый от соседних.

— Почему именно здесь? — спросил Николай.

— Тут над входом треснувшее потолочное перекрытие. Достаточно одного заряда — и плита рухнет на вошедшего.

— Недурно, — признал Николай. — Но как мы заставим Вия войти в эту комнату?

— Мы заманим его. На живца. Вернее, на кровь.

— На какую кровь? — испуганно спросила Кузя.

— На твою, конечно, — ответила чертовка. — А какие тут могут быть варианты?

41

Николай оценил план Бестии и помрачнел. Операция показалась ему самоубийственной авантюрой. Живучесть демона не оставляла сомнений, но на всякий случай он решил уточнить:

— Даже если у нас всё получится, плита ведь его не убьёт?

— Конечно, не убьёт. Но надеюсь, она обездвижит Вия секунд на сорок. А за это время надо успеть срубить ему голову.

Николай недовольно поморщился.

— Сплошные допущения! Если сможем заманить, если зайдёт под плиту, если точно накроем, если у нас будут сорок секунд, и если мы уложимся в это время. А я не уверен даже, что уложусь. Я никогда с мечом не работал.

— Ты и не будешь, — ответила чертовка, — меч возьмёт Шаман. Твоя задача — не дать Вию открыть третий глаз.

— И как, по-твоему, я смогу это сделать?

— Очень просто. Пулей в лоб. По одной пуле каждые пятнадцать секунд.

— А если я промахнусь? Хотя бы раз?

Чертовка шумно вздохнула, показывая своё отношение к желанию смертных подстраховываться на каждом шаге.

— Слушай, я тебе не Джел. Я ставлю не на твою удачу, но исключительно на твою профессиональную подготовку. Ты же в Элизиуме из тира не вылезал. Так что? Готов рискнуть?

— Собой — без проблем. Но если я правильно понял твой план, ты ставишь на карту Кузя.

Услышав своё имя, девушка вскинула голову и возмущенно посмотрела на Николая.

— Не смеяй мной прикрываться! Даже не думай! Вспомни, что стоит на карте с другой стороны. Бестия, мы готовы!

— Я и не сомневалась, — сказала чертовка. — Тогда перейдём к нашему плану.

Нужную комнату в Доме Профсоюзов друзья нашли без труда. Осмотрев дыру в потолке, Николай поднялся на четвёртый этаж и установил в трещине два заряда. Затем спустился и перфоратором пробил дырки в стенах справа и слева от входа. Шаман размотал стальной трос и помог натянуть его в полумetre над полом. Закончив подготовку, Николай с сомнением оглядел комнату. Она была довольно длинной и почти пустой, лишь одинокий стол стоял у окна с выбитой рамой. Дверь, снятая с петель, лежала у стены — с этим Шаман справился один. Картина не внушала оптимизма; но чертовка считала, что во время взрыва всем надо быть в этой комнате.

Макар взглянул на треснувший потолок и спросил у Бестии:

— А нас не заденет?

— Вряд ли, — ответила та, — но контузить может, риск есть. Будем надеяться на наушники.

— Будем надеяться, — повторил Николай. — Что у нас дальше по плану? Кровь?

— Кровь, — подтвердила чертовка и повернулась к Кузе:

— Раздевайся, ревнивица.

— Как? — вспыхнула девушка. — Совсем?

— Совсем, совсем.

— А это обязательно? — смутилась Кузя.

— Знаешь, — Бестия доверительно понизила голос, — была бы ты девственницей, мы смогли бы обойтись и без этого. Но вы с иереем изрядно нагрешили. Так что извини, теперь нам придётся выжимать всё из того, что есть. То бишь исполнять ритуал максимально точно.

42

Кузя нерешительно переступила с ноги на ногу, и Бестия поторопила её:

— Вий уже на втором этаже.

— Я не буду смотреть, — сказал Макар, отворачиваясь, — честное слово.

Кузя стала торопливо раздеваться, бросая вещи на подоконник. От вечерней прохлады кожа на её руках и груди покрылась мурашками, соски сжалась и отвердели. Николай смотрел на подругу с восхищением и жалостью.

— Каждый раз — как первый раз, — подумал он. — И как последний. А сейчас, возможно, и действительно последний, в самом прямом смысле. Но как же она всё-таки хороша! Жить бы да жить...

Кузя бросила трусики на подоконник и выпрямилась. Чертовка критически оглядела её.

— Не девственница, конечно. Но, думаю, подойдёшь, Вий разницы не заметит. Ложись на спину.

Она указала на стол, стоящий у окна. Николай постелил куртку, и Кузя легла на неё. Бестия протянула Николаю верёвку.

— Привязывай!

— К чему?

— А у тебя много вариантов? — Бестия похлопала лапой по ножке стола. — Ножки к ножкам и ручки тоже к ножкам. И поторопись, Вий уже заканчивает обход второго этажа.

Николай быстро привязал руки и ноги Кузи к ножкам стола.

— Теперь жгут, — сказала чертовка, протягивая ему аптечку.

Николай перетянул руку подруги выше локтя и повернулся к Бестии. Та уже протягивала ему скальпель и пузырёк со спиртом.

— Режь.

Николай посмотрел на скальпель, потом на Шамана.

— Давай лучше ты.

Кузя приподнялась, насколько позволяли верёвки.

— Полкан, да что с тобой? Ты испугался?

Николай покачал головой.

— Не в этом дело. Мне сейчас целиться. Руки не должны дрожать.

Шаман взял скальпель из лап Бестии, окунул его в пузырёк со спиртом, продезинфицировал запястье девушки и сделал аккуратный надрез. Тёмная венозная кровь залила ладонь и расплылась на куртке чёрным пятном.

— Начали! — скомандовала чертовка. — Надевайте наушники!

Николай выглянул из комнаты и увидел Вия. Ноздри демона раздувались — он почувствовал кровь и шёл на кровь. Складки над бровями угрожающе зашевелились и Николай, не мешкая, всадил первую пулю в середину морщинистого лба. Вий вздрогнул и ускорил шаг. Николай отступал, пятясь назад и нажимая на спусковой крючок с чёткостью часового

механизма. Одну за другой посыпал он пули в точку над переносицей демона, не давая тому открыть третий глаз.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, — считал он выстрелы.

Вий перешагнул порог комнаты.

— Восемь...

Осечка! Николай попробовать выбросить негодный патрон, но тот заклинил намертво.

— Чёртова непруха! — подумал Николай. — Ничего нельзя покупать на Привозе. Если сейчас и заряды не сработают...

В этот миг разогнавшийся демон споткнулся о натянутый трос и тяжело рухнул на пол. Раздался взрыв — один заряд всё же сработал. Рухнувшая плита накрыла тело Вия. Демон повернулся косматую голову и морщины на его лбу начали растягиваться. Николай выхватил нож, но Макар опередил его. С перекошенным от крика ртом он подскочил к Вию и с размаху всадил кол в открывавшийся глаз. Демон взмыл и дёрнулся, накрывающая его плита треснула.

Шаман размахнулся и, ухнув, обрушил меч на шею Вия. Позвоночник хрустнул, но выдержал. Шаман рубанул снова, выкрикивая слова какого-то древнего языка, неизвестного синхронному переводчику. После третьего удара голова демона нелепо подпрыгнула и покатилась под стол. Тело Вия осело и растеклось по полу чёрным дымом.

Николай разрезал верёвки, перевязал раненое запястье девушки и бросил на пол уже ненужные наушники. Завернул всхлипывающую Кузю в куртку, сел на низкий подоконник и посадил девушку к себе на колени. Прижал к плечу её голову и начал укачивать, тихонько бормоча:

— Ну что ты, маленькая, ну что ты... Всё уже закончилось, мы победили... Всё хорошо...

Кузя подняла на него мокрые глаза.

— Полкан, ты свинья!

— Почему? — не понял Николай.

— Зачем ты позволил Шаману меня резать?

— Кузнецик, мы же обо всём договорились заранее. Вий шёл на кровь, он должен был почутить кровь...

— Идиот! — простонала Кузя. — У меня от этих переживаний месячные начались. На два дня раньше срока.

Николай посмотрел вниз. На его джинсах расплывалось красное пятно. Кузя смеялась и плакала одновременно. Макар сдавленно захрюкал, и даже Шаман собрал морщины в подобие улыбки.

43

Отпраздновать победу друзья решили в знакомой абрикосовой роще. В круглосуточном магазине взяли вино, сыр и фрукты; импровизированный стол устроили прямо на траве. Николай поднял пластиковый стаканчик.

— Мы всё-таки сделали это! Остановили демона! Все вместе! Если бы хоть один из нас дрогнул — мы все были бы мертвые. Но мы стояли до конца и каждый сделал то, что должен. За вас, друзья! И конечно, за Бестию, нашего демона-хранителя. Без неё у нас ничего бы не получилось!

Друзья подняли стаканы. Всех был остаточный мандраж, всех пьянила эйфория победы. Лишь чертовка угрюмо молчала, думая о чём-то своём. Захмелевший Николай приобнял мохнатую подругу.

— О чём загрустила, Бестия? Всё ведь получилось, как ты хотела. Чем же ты опять недовольна?

Чертовка повела плечом и стряхнула его руку.

— Ты ведь знаешь, меня напрягают любые резкие изменения в расстановке сил. Вий не должен был выходить из инферно. Но он прорвался и качнул весы в сторону зла. А

теперь мы убили его — и качнули весы в другую сторону. Хотела бы я знать, к чему это может привести.

— Только к хорошему! — уверенно заявил Николай. — Не понимаю твоих сомнений. Мы ведь уменьшили количество хтони в одном отдельно взятом городе.

— Вот именно — в отдельно взятом.

— Да что опять не так?! — не понял Николай. — Макар, посмотри, что пишут в сетях. Мы ведь остановили хтонь?

Макар подключился к порталу Элизиума и вывел на экран оперативную карту. Одесса была светлым пятном посреди алого моря.

— Сам видишь. Прорыв мы закрыли, но только в Одессе. Здесь люди в шоке, похоже, они только сейчас начинают осознавать, что же натворили западенские палачи. Но по остальной правобережной — безудержное беснование. «Майские шашлычки», «копчёные ватники», шуточки, демотиваторы. Тысячи перепостов, десятки тысяч лайков. В барах подают коктейль «Дом Профсоюзов», чтобы отважные герои смогли обмыть свой подвиг. Украина сошла с ума. Одесса оказалась в сплошном кольце хтони.

Бестия взглянула на экран и отвернулась.

— Об этом я и говорила. Видимо, вскоре нам придётся встретиться со Счетоводом.

— А кто это? — спросила Кузя.

— Серый Даймон.

— Он за нас или за инферно?

Чертовка поморщилась.

— Отвыкайте уже от бинарного мышления. Джел приучил вас делить всех на своих и врагов; но мир гораздо сложнее. Даймоны ни за кого, они сами по себе. Им насрать на наши разборки.

— Было бы насрать, я бы сюда не пришёл, — возразил выступивший из темноты мужчина.

В первый момент Николай принял его за Джела, но когда незнакомец вступил в круг света, отличия стали очевидны. Серые глаза, длинные волосы цвета пепла, резкие черты лица. Счетовод был похож на постаревшего ангела, уставшего от вечной войны.

— Помяни Даймона — и он припрётся, — сказала чертовка с явной досадой.

— А ты на что надеялась? — спросил Счетовод. — Вы же нарушили равновесие.

— Мы нарушили! — возмутилась Бестия. — А где ты был, когда Вий вылез из инферно и похерил вообще все договорённости?! Или для тебя «это другое»?

Если чертовка хотела смутить Даймона, у неё это не получилось.

— Я надеялся, что Джелиэль вернёт Вия обратно в инферно. Это идеально решило бы все проблемы и восстановило бы равновесие.

— Ты же знаешь, что стало с Джелиэлем, — сказала Бестия, успокаиваясь. — А людям такие подвиги не под силу. Мы и убить-то Вия еле смогли.

— Знаю, знаю, — поморщился Счетовод. — Вий нарушил равновесие в пользу зла, он должен был умереть. Вы убили его, и это было правильно. Вы остановили большую бойню. Для Элизиума вы герои; вам, наверное, даже дадут какие-то медальки.

— Лучше деньгами! — встремял Макар.

Даймон строго посмотрел на него, и Макар осёкся.

— Для Элизиума вы герои, — повторил Даймон, — но не для Мироздания. Вий был слишком сильной фигурой. Убив его, вы, тем самым, снова нарушили равновесие.

— Но ведь в пользу добра! — воскликнула Кузя. — Добро же победило!

— Неважно, в чью пользу, — возразил Счетовод, — любое нарушение равновесия создаёт напряжение в обществе. А напряжение каждый раз ведёт к конфликтам и многочисленным жертвам. Вы запустили этот процесс — и теперь это зона вашей ответственности.

— Почему обязательно к конфликтам? — спросил он. — Это же добро! Счетовод посмотрел на него с нескрываемой жалостью.

— Вы хорошие люди, честные и бесстрашные. Но вы неправильно понимаете ситуацию. Вам кажется, что хтонь будет расползаться по законам термодинамики — плавно смешиваться и выравниваться до средней температуры. Но тут скорее действуют законы механики. Если маятник качнулся, не стоит надеяться, что он плавно опустится до точки равновесия. Его понесёт в другую сторону, и горе тем, кто окажется на его пути. Светлое пятно в Одессе не останется незамеченным. Сюда потянутся «поезда дружбы» с западенцами. Людей начнут вешать на столбах, хтонь зальёт город. Понимаете? Вы качнули этот маятник, вы и должны его остановить. Иначе его жертвы будут на вашей совести. Вы сможете жить с таким грузом?

— А было бы лучше, если бы Вий прошёлся по Украине? — спросила Кузя.

— Было бы хуже, — признал Счетовод, — но тут ключевое слово «бы». Вий — это уже прошлое, неосуществлённая возможность. А обратный ход маятника — это будущее, возможность весьма вероятная. И даже неизбежная — если, конечно, вы не сгладите возникшее напряжение.

— И чего же ты хочешь от нас? — спросил Николай.

— Исправьте то, что натворили.

— В смысле?

Счетовод усмехнулся.

— Что же тут непонятно? Вы были воинами добра, вы сражались за добро. Причём сражались так успешно, что нарушили равновесие Мироздания. Исправьте это. Совершите зло.

— Творить зло?! — вскинулась Кузя. — Нам творить зло?! Да пошёл ты!

— Как хотите, — пожал плечами Даймон. — Равновесие всё равно восстановится — с вашей помощью или без неё. Напряжение снимется, так всегда было и так всегда будет. Но при этом сотни невинных падут жертвами очередного выравнивания. Вы можете спасти их. А можете плюнуть на них и спасать чистоту своих белоснежных одежд. Вам решать.

Друзья молча переглянулись. Даймон терпеливо ждал.

— Что мы должны сделать? — спросил Николай.

— Зло.

— Какое?

— Сам подумай. Времени у вас совсем мало, а изменить вам нужно очень многое. Так что особого выбора нет. Только убийства.

— Убийство?! — переспросила Кузя дрогнувшим голосом.

— Убийства, — поправил Счетовод.

Николай на минуту задумался.

— Я могу убить тех, кто сжигал людей в Доме Профсоюзов. И тех, кто добивал битами выпрыгнувших из окна.

Даймон нахмурился, как будто подсчитывая что-то в уме.

— Сорок четыре души, — сказал он, — и ещё четыре девушки, которые разливали коктейль Молотова по бутылкам. Баланс сойдётся не совсем точно, но примерно так. Я согласен.

— Нет! — Николая передёрнуло. — Давай без девушек. Я принесу тебе сорок четырёх жизни — и мы в расчёте.

Счетовод посмотрел на него с интересом.

— Тебе их жалко? Но ведь они знали, для чего разливают свой коктейль. Знали, что им будут сжигать людей заживо.

— Всё равно! — твёрдо сказал Николай. — Я не убиваю женщин.

— Мы принесём тебе их мизинцы! — вмешался Макар.

— Ты идиот? — спросил Даймон.

Похоже, Макар сумел удивить даже его.

— А что, отличная идея! — из темноты вышел смуглый мужчина с дредами, торчащими во все стороны. — Прикольно же! Ты думал, что они рыцари света, а они, мать их, грёбаные якудзы! Соглашайся, Счетовод! Сорок четыре чёрных души и четыре девичьих мизинца. Это же готовая строчка для крутого рэпа!

— Ладно, — устало отмахнулся Даймон, — уговорил.

— Ты поможешь мне с поиском целей? — спросил Николай.

— Макар найдёт всех, — ответил Счетовод, — я прослежу.

Не прощаясь, ночные гости вышли из круга света и скрылись в темноте.

— Кто это был? — спросила Кузя.

— Трикстер, — ответила чертовка. — *Spiritus ludens*, играющий дух.

— Он за нас?

— Нет, он тоже сам по себе. Бродит по миру и над всеми прикалывается. Правда, приколы эти обычно не очень удачные. Чувство юмора у него довольно своеобразное.

— Видимо, поэтому ему твоя шутка и понравилась, — сказала Кузя Макару.

— Да, — согласился Николай, — первый раз твой дурацкий юмор пришёлся в тему.

45

Макар сидел за ноутбуком, просматривая фотохронику трагедии в Доме Профсоюзов. Поиск шёл туда, пока ему удалось идентифицировать лишь несколько участников бойни. Полный список он уже составил, но вместо фамилий и адресов там были указаны лишь приметы и примерный возраст.

Негромко звякнул динамик ноутбука — пришло письмо. Макар открыл его и радостно воскликнул:

— Да! Не обманул Счетовод! Здесь полное досье на каждого. С фотографиями, особыми приметами, привычками, маршрутами — всё, о чём только может мечтать киллер.

— Перепроверь каждого, — попросил Николай, — ошибки недопустимы. Ни один невиновный не должен пострадать, это главное условие.

Макар склонился над экраном, сравнивая список Счетовода со своим. Николай задремал и проснулся, когда уже стемнело. Разбудил Макара, который тоже заснул.

— Как успехи?

— Сомнений нет, это они. Можно начинать.

— Выбери кого-нибудь пооутратнее, — попросил Николай.

— Да они все тут те ещё упыри, — ответил Макар, — сразу и не выберешь.

— Тогда давай любого.

Макар крутанул скроллинг, как когда-то крутил барабан револьвера. Не глядя, щёлкнул мышкой. На экране появилась фотография мужчины с отвислыми брылями и заплывшими глазами.

— Тарас Онуфриенко, — прочитал Макар, — тридцать шесть лет, две судимости. Мелкие грабежи, правда, с отягчающими. Но это в прошлом, а сейчас он патриот и ветеран, участник майдана и двух «поездов дружбы». Нигде не работает, по вечерам зависает в баре «Корчма».

На экране появились фотографии бара — главного входа, интерьера, туалета, запасного выхода. Везде толпился народ.

— А вот так выглядит запасной выход с другой стороны, — Макар покрутил панорамное фото.

В тупичке за баром стояли мусорные баки, на грязном асфальте виднелись лужи крови и блевоты.

— Сюда компания Тараса выходит покурить дурь или избить кого-то. Обычно без этого у них и дня не проходит. Прицепятся к кому-нибудь, кто выглядит поприличнее, обвинят в москальстве, выволокут в этот тупичок и отметелят до полусмерти. А заодно и экспроприируют наличку у разоблачённого врага. На это в основном и гуляют.

— Неплохой вариант, — сказал Николай, — если я сыграю запуганного ботана и спровоцирую совершенно аполитичную бытовую ссору, возможно, этой герой захочет отбуксировать меня в одиночку.

Макар покачал головой.

— Я бы на это не рассчитывал. У них же двоичный мозг — они не понимают слова «аполитичный». Если кто-то затеет ссору с патриотом и ветераном, то для них он точно москаль, без вариантов.

— А я всё-таки попробую, — сказал Николай.

На следующий день он уже сидел в «Корчме», потягивая пиво и ловя на себе презрительные взгляды «настоящих мужчин». На нём были роговые очки в оправе, скрепленной изолентой, дешёвый обтрёпанный пиджачок и потёртая кожзамовая сумка через плечо. После девяти в баре появился Онуфриенко со своими гопниками, они расположились у стойки. Николай допил пиво и направился к бармену. Проходя мимо Тараса, он поскользнулся, задел его кружку и залил пивом несвежую вышиванку.

— Ах ты ж гнида! — взревел герой майдана и наотмашь ударил Николая по лицу.

Тот стерпел пощечину и, опустив глаза, затараторил жалостливым голосом:

— Простите, вельможный пан, простите дурака великодушно. Позвольте угостить вас и ваших друзей, сегодня весь вечер за мой счёт...

Он достал пухлый бумажник, небрежно вынул несколько крупных купюр и положил их на стойку. Шмыгнул носом и убрал бумажник в карман, заметив, каким жадным взглядом Тарас проводил чужие деньги. Расчёт оказался верным — Онуфриенко решил ни с кем не делиться лёгкой добычей. Он схватил Николая за шиворот, резко встряхнул и проревел:

— Откупиться захотел, гнида? Пойдём-ка выйдем, поговорим! Я тебя научу героев уважать!

Николай сгорбился и втянул голову в плечи. Тарас потащил его к запасному выходу, ругаясь и расталкивая посетителей. Николай не сопротивлялся. Но как только дверь за ними закрылась, он схватил Онуфриенко за руку и кинул его в проём между мусорных баков.

— Ах ты ж... — задохнулся Тарас.

Николай выпрямился и достал из сумки два армейских ножа. Один положил на крышку мусорного бака и толкнул в сторону Онуфриенко.

— Одесса, второе мая. Пришло время расплаты. Дерись как мужчина.

Онуфриенко криво ухмыльнулся, показав ряд щербатых зубов.

— От дурной москалика, кто ж на перестрелку с ножом приходит!

Он достал пистолет, снял его с предохранителя и стал медленно поднимать, наслаждаясь властью над беззащитной жертвой. Николай бросил нож снизу, без замаха. Лезвие вошло в дряблую шею, пробив второй подбородок. Онуфриенко выронил пистолет, схватился за горло и рухнул в лужу блевотины, возможно, своей собственной. Николай убрал второй нож в сумку и посмотрел на агонизирующего противника.

— Жил ты, Тарас, как свинья, но умереть мог как мужчина. А ты и умереть предпочёл так, как жил.

46

Олесь Бондарь жил один. Он снимал крохотную однушку на третьем этаже панельного дома. Николай ждал его на лестничной площадке пролётом выше. По прогнозу Счетовода цель должна была появиться с минуты на минуту. И действительно, внизу хлопнула входная дверь. Олесь, отдуваясь, поднялся на свой этаж, не спеша достал ключ, вставил его в замочную скважину и дважды провернул. Николай сбежал вниз, втолкнул Бондаря в квартиру и захлопнул дверь.

Бондарь уронил пакет, продукты рассыпались по полу, поллитровка укатилась под обувную полку. Не давая врагу опомниться, Николай ударил его под дых, втащил обмякшее тело на кухню и опустил на стул. Сам сел напротив, внимательно разглядывая

свою следующую цель. Обычное лицо среднестатистического человека, обычная фигура, обычная одежда. Банальность зла.

Бондарь, наконец, восстановил дыхание и запричитал сдавленным голосом.

— Кто ты такой? Что тебе нужно?

— Одесса, второе мая, — ответил Николай. — Пришло время расплаты.

Лысина Олесья мгновенно покрылась испариной, глазки забегали.

— Я не виноват! — воскликнул он, срывааясь на фальцет. — Мы защищали свободу и демократию!

— Вы сожгли заживо безоружных людей.

— Это кремлёвская пропаганда! Всё было не так! Они сами себя сожгли!

Николай достал телефон и запустил заранее подготовленный ролик.

— Здесь хорошо видно, как ты бросаешь в окно бутылку с коктейлем Молотова.

— Они сами виноваты! Сами!

— А потом они выпрыгивали из окон и сами забивали себя битами? Посмотри — и на этом ролике ты тоже засветился, теперь уже с битой. Ты стал настоящей звездой ютуба.

Бондарь не смотрел на экран, он старательно прятал глаза.

— Я этого не хотел! Но ты пойми — их же нельзя было выпускать, они бы потом рассказали, как всё было! А этого нельзя было допустить, мы должны были защитить молодую демократию! Нам пришлось это сделать!

Николай снова запустил второй ролик.

— У тебя тут на лице написано, как неприятно тебе убивать беззащитного мальчика. Оскол до ушей.

Бондарь судорожно сглотнул.

— Скажи, чего ты хочешь? Тебе нужны деньги? Так я заплачу, у меня есть.

Николай брезгливо сморщился.

— И сколько, интересно, ты готов заплатить?

Олесь засуетился, полез в комод.

— Вот, здесь четыре тысячи долларов. И ещё есть гривны, подожди...

Николай кивнул.

— Я так и думал. Для тебя жизнь человека не стоит и ста баксов. Так сколько, по-твоему, должна стоить жизнь такого садиста и убийцы, как ты?

Бондарь побледнел и задёргался.

— Подожди, подожди! Вот тут ещё...

С этими словами он полез в ящик кухонного стола, выхватил оттуда разделочный нож и бросился на Николая. Тот перехватил руку Олесья и развернулся. Нож вошёл под ребро почти на половину лезвия. Бондарь упал на стол, вбив нож в тело до рукоятки. Остро запахло дермом — отважный защитник молодой демократии обделался. Николай вышел, захлопнув за собой дверь.

Дальше было хуже. Ножевой бой с неподготовленным противником ничем не отличается от убийства. Попытка придать казни вид поединка — это самообман, в который уже и сам не веришь. Поняв это, Николай начал отстреливать цели. Одного за другим. Счетовод торопил — время поджимало. Когда тринадцать запуганных ветеранов Куликова поля собрались в квартире своего лидера, чтобы обсудить ситуацию, Николай кинул в раскрытое окно две гранаты, а затем зашёл в квартиру и добил выживших.

Каждый день Макар вычёркивал из списка две-три цели. Газеты называли неуловимого мстителя «Одесским бoucherом»; Николай и сам стал считать себя не солдатом на войне, а безжалостным палачом. Проклятой душой, лишённой надежды на спасение. Но он упрямо продолжал своё кровавое дело, спасая тех, кто мог стать жертвой инерционного выравнивания хтони.

покинули город. Но никому из них это не помогло, Счетовод находил беглецов без особого труда. Последнего в списке обнаружили в схроне под Черновцами — старом схроне, где когда-то прятались эсэсовцы из разбитой «Галичины». Там же он и остался навсегда.

Друзья задержались на поляне рядом со схроном; все ждали развязки. Вскоре из чащи вышли Счетовод с Трикстером. Даймоны присели на поваленное дерево — место, оставленное специально для них.

— Я закончил, — сказал Николай. — Ты удовлетворён?

— Да, — подтвердил Счетовод, — долг закрыт. Вы свободны.

— Покажи пальцы! — потребовал Трикстер.

Николай кинул ему пластиковый пакетик. Даймон разглядел содержимое, и его лицо разочарованно вытянулось.

— По одной фаланге. Всего-то. Скучно с вами, якудзы-гуманисты.

— Знаешь, из тебя тоже юморист... как из Петросяна, — парировала Кузя.

Трикстер в ответ только усмехнулся. Не прощаясь, Даймоны встали и направились в чащу.

— Счетовод! — позвал Николай. — Как я смогу тебя найти?

— Я сам тебя найду, — ответил Даймон, не оборачиваясь, — если это потребуется.

На лице Кузи появилось тревожное выражение.

— Зачем он тебе? Забудь его, как ночной кошмар! Нам давно пора вернуться домой. Макар, свяжись с Элизиумом и запроси срочную эвакуацию.

Николай отрицательно покачал головой.

— Я не могу вернуться. Я проклят.

— Но почему?!

— Я палач. Я убивал людей.

— Нет! — на глазах Кузи выступили слёзы. — Ты спасал людей! Ты остановил «поезда дружбы», ты спас жизни сотням одесситов!

Николай тяжело вздохнул.

— Конечно, на это можно посмотреть и так. Но это, как сказал бы Счетовод, уже прошлое, неосуществлённая возможность. А того, что не произошло, нет в Книге Жизни. Там есть лишь реальность, в которой я убивал людей.

— Ты восстановил справедливость, совершил праведный суд! — продолжала настаивать Кузя.

— И так тоже можно сказать, — кивнул Николай, — есть множество доводов, которыми я мог бы оправдаться. Но это самообман; а правда одна — я убивал людей. Убивал каждый день, убивал безоружных, убивал не ожидающих этого.

— Тут ты не прав, — перебил его Шаман. — Все они ожидали возмездия. Просто не все были готовы себе в этом признаться. Но даже самые отмороженные где-то в глубине понимали — расплата неизбежна. Слишком инфернально то, что они содеяли.

— Не придирайся к словам, — попросил Николай, — суть ведь от этого не меняется. Вы с Кузей можете вернуться в Элизиум, ибо ваши руки чисты. А мы с Макаром — нет. Мы уже не можем быть воинами добра, на наших руках слишком много крови.

Кузя прижалась к Николаю и уже не пыталась сдержать слёзы.

— Почему мы не можем остаться вместе?! Макар же остаётся с тобой. Но он никого не убивал сам, он просто твой соучастник. А я разве нет? Я ведь была с тобой всё это время. Я спала с тобой, я будила тебя, когда ты кричал во сне. А кричал ты каждую ночь. Я успокаивала тебя своим телом и радовалась, когда тебя хоть на миг отпускало. Я была счастлива, когда ты входил в меня и твоё отчаяние отступало. Разве я не соучастница? Разве я не заслужила права быть рядом с тобой?

— Ты не заслужила участия быть проклятой, — ответил Николай. — Ты чиста. И ты не соучастница, ты просто добрая самаритянка.

Внезапно Кузя оттолкнула Николая и указала на Бестию, вышедшую из леса.

— Ты всё-таки решил остаться с ней! Я же говорила, что она суккуб, а вы мне не верили!

— Кузнечик! — укоризненно протянул Николай.

Кузя закрыла лицо руками.

— Боже, что я несу! Извини. Я совсем запуталась. Я не понимаю, что же теперь с нами будет.

— Вы с Шаманом останетесь воинами добра, — ответил Николай. — А мы с Макаром станем воинами равновесия — если, конечно, Счетовод нас призовёт.

— И мы будем воевать друг с другом? — спросила Кузя.

— Вряд ли. Ты же знаешь, что равновесие обычно нарушают из инферно и зачищать приходится зло. Возможно, у нас даже будут совместные операции.

Кузя попыталась улыбнуться, но не выдержала и разрыдалась.

— Нет, нет! Я не могу это принять! Ты же ни в чём не виноват!

— Это не имеет значения, — ответил Николай.

— Всё имеет значение! Ты же не выбирал зло; у тебя просто не было выбора. Ты не мог поступить иначе! А если не было выбора, то нет и вины!

Николай обнял девушку и погладил непослушные волосы.

— Пойми, это не вопрос вины и не вопрос выбора; это просто стечениe обстоятельств. Конечно, выбора у меня не было, я не мог поступить иначе. Любой нормальный человек поступил бы так же. И даже святой. Можно вести праведную жизнь и вычистить душу до блеска, но если судьба поставит тебя перед проблемой вагонетки, ты будешь проклят. В любом случае, при любом выборе. И при отказе от выбора — тоже. Это не зависит от моральных качеств человека — просто некоторым везёт, и они не попадают в такие ситуации. Вам с Шаманом повезло, нам с Макаром — нет.

Кузя не ответила, она рыдала, уткнувшись в грудь Николая. На поляну вышел Толстый Ахайя.

— Кузя, Шаман! Пора. Машина ждёт.

Девушка подняла мокрое лицо, и Николай поцеловал её в губы. Погладил тёплую спину.

— Да, чуть не забыл! Контрольный — на удачу, — сказал он и поцеловал Кузю в затылок.